СТИВЕН

КИНГ

ПОД КУПОЛОМ

ПАДАЮТ РОЗОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Стивен Кинг

Под Куполом. Том 1. Падают розовые звезды

Серия «Король на все времена»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18371578
Под Куполом: [роман в 2 т.] Т. 1. Падают розовые звезды: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116973-2

Аннотация

История маленького городка, который настигла большая беда. Однажды его, вместе со всеми обитателями, накрыло таинственным невидимым куполом, не позволяющим ни покинуть город, ни попасть туда извне. Что теперь будет в городке? Что произойдет с его жителями? Ведь когда над человеком не довлеет ни закон, ни страх наказания – слишком тонкая грань отделяет его от превращения в жестокого зверя. Кто переступит эту грань, а кто – нет?

Первая часть романа «Под Куполом».

Содержание

Некоторые (но не все) из тех, кто оказался в Честерс-Милле в день Купола 8
Самолет и лесной сурок 13
1 13
2 16
3 18
Барби 19
1 19
2 22
3 25
4 27
5 29
Младший и Энджи 31
1 31
2 34
3 36
4 38
5 40
6 44
Большаки и проселки 49
1 49
2 54
3 56

4 61
5 62
6 63
7 69
Уйма дохлых птиц 73
1 73
2 81
3 88
4 91
5 94
6 96
7 99
Полная мутня 101
1 101
2 108
3 115
4 123
5 130
6 132
7 134
«И за команду за одну мы все болеем» 136
1 136
2 144
3 156
4 163
5 169

6 175
На благо города, на благо горожан 176
1 176
2 184
Конец ознакомительного фрагмента. 187

Стивен Кинг
Под Куполом
Падают розовые звезды
Том 1

Памяти Сурендры Дахайбхая Пателя
Нам грустно без тебя, друг мой.

Кого-то потерял, сынок?
Не видишь, что ли:
На игровом весь городок
Собрался поле.
Наш город мал – его судьбу
Мы вместе делим,
И за команду за одну
Мы все болеем[1].

Джеймс Макмертри[2]

Stephen King
Under the Dome

---

[1] Перевод Дмитрия Витера.

[2] Джеймс Макмертри (р. 1962) – американский поэт, певец, гитарист. – *Здесь и далее примеч. пер.*

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Stephen King, 2009
© Перевод. В. Вебер, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Некоторые (но не все) из тех, кто оказался в Честерс-Милле в день Купола

Городские чиновники

Энди Сандерс, первый член городского управления
Джим Ренни, второй член городского управления
Андреа Гриннел, третий член городского управления

Сотрудники «Эглантерии»

Роуз Твитчел, хозяйка
Дейл Барбара, повар
Энсон Уилер, мойщик посуды
Энджи Маккейн, официантка
Доди Сандерс, официантка

Полицейский участок

Говард Перкинс по прозвищу Герцог, чиф
Питер Рэндолф, заместитель чифа

Марти Арсено, патрульный
Фредди Дентон, патрульный
Джордж Фредерик, патрульный
Руперт Либби, патрульный
Тоби Уилен, патрульный
Джекки Уэттингтон, патрульная
Линда Эверетт, патрульная
Стейси Моггин, патрульный-диспетчер
Ренни-младший, экстренно назначенный помощник
Джорджия Ру, экстренно назначенный помощник
Френк Дилессепс, экстренно назначенный помощник
Мелвин Сирлс, экстренно назначенный помощник
Картер Тибодо, экстренно назначенный помощник

Священнослужители

Преподобный Лестер Коггинс, церковь Христа Святого Искупителя
Преподобная Пайпер Либби, Первая Конгрегациональная церковь (церковь Конго)

Медики

Рон Хаскел, врач
Эрик Эверетт по прозвищу Расти, фельдшер

Дуги Твитчел, медбрат
Джинни Томлинсон, медсестра
Джина Буффалино, медсестра-волонтер
Гарриет Бигелоу, медсестра-волонтер

Городские дети

Джо Макклэтчи по прозвищу Пугало
Норри Кэлверт
Бенни Дрейк
Джуди и Джанель Эверетт
Олли и Рори Динсморы
Литл Уолтер Буши

Жители города, упоминаемые в книге

Томми и Уиллоу Андерсоны, владельцы и сотрудники ресторана «Дипперс роудхаус»
Стюарт и Фернолд Боуи, владельцы и сотрудники «Похоронного бюро Боуи»
Джо Боксер, стоматолог
Ромео Берпи, владелец и продавец «Универмага Берпи»
Фил Буши, Шеф с сомнительной репутацией
Саманта Буши, его жена
Джек Кейл, управляющий супермаркета

Эрни Кэлверт, управляющий супермаркета (бывший)
Джонни Карвер, управляющий и совладелец круглосуточного магазина
Олден Динсмор, владелец молочной фермы
Роджер Кильян, владелец птицефермы
Лисса Джеймисон, городской библиотекарь
Клер Макклэтчи, мать Пугала Джо
Элва Дрейк, мать Бенни
Коротышка Норман, торговец антиквариатом
Бренда Перкинс, жена чифа Перкинса
Джулия Шамуэй, владелица и редактор местной газеты
Тони Гуэй, спортивный репортер
Пит Фримен, новостной фотограф
Сэм Вердро по прозвищу Бухло, городской пьяница

Приезжие

Элис и Эйден Эпплтон, сироты Купола («сиркупы»)
Терстон Маршалл, литератор с медицинскими навыками
Каролин Стерджес, аспирантка

Собаки, упоминаемые в книге

Горас, корги Джулии Шамуэй
Кловер, немецкая овчарка Пайпер Либби

Одри, золотистый ретривер Эвереттов

Самолет и лесной сурок

1

С высоты двух тысяч футов, на которой проходил учебный полет Клодетт Сандерс, городок Честерс-Милл, поблескивая в утреннем солнышке, казался некоей вещицей, только что смастеренной и поставленной на землю. Автомобили катили по Главной улице, подмигивая солнечными зайчиками. Острый шпиль церкви Конго, казалось, пронзал безоблачное небо. Солнечная дорожка бежала по поверхности реки Престил-Стрим, когда «Сенека-V» пролетал над ней: и самолет, и вода пересекали город по одной диагонали.

– Чак, кажется, я вижу двух мальчишек около моста Мира! Они ловят рыбу! – Клодетт от переполнявшей ее радости рассмеялась. Возможность учиться пилотированию она получила благодаря своему мужу, первому члену городского управления. И пусть Энди считал, что Бог дал бы человеку крылья, если б хотел, иной раз он прислушивался к мнению других, и в конце концов Клодетт удалось добиться своего. Она с самого первого занятия наслаждалась полетом. Но сегодня наслаждение переросло в восторг. Впервые Клодетт действительно поняла, почему летать – прекрасно. Почему летать – круто!

Чак Томпсон, ее инструктор, мягко коснулся ручки управления, указал на приборную панель:

– Я в этом уверен, но держи самолет ровнее, Клоди, идет?

– Извини, извини.

– Ничего страшного.

Он уже много лет учил людей летать, и ему нравились такие ученики, как Клодетт, постоянно стремящиеся узнать что-нибудь новенькое. Очень скоро ее увлечение могло обойтись Энди Сандерсу в приличную сумму: Клодетт влюбилась в «сенеку» и уже высказала желание приобрести точно такой же самолет, только новый. Подобная покупка тянула на миллион долларов. Пожалуй, не стоило считать Клодетт Сандерс совсем уж избалованной, но она, бесспорно, отдавала предпочтение дорогим вещам. Впрочем, счастливчику Энди, похоже, не составляло труда удовлетворять ее капризы.

Чак также любил такие дни: неограниченная видимость, полное отсутствие ветра, идеальные условия для обучения. Тут «сенека» стал чуть покачиваться, словно Клодетт чрезмерно реагировала на любое отклонение от курса.

– Ты отвлекаешься, не надо. Выходи на курс один-двадцать. Полетим вдоль Сто девятнадцатого шоссе. И спустись до девятисот футов.

Она выполнила указанный маневр, и «сенека» практически перестал покачиваться. Чак расслабился.

Они пролетели над «Салоном подержанных автомобилей

Джима Ренни», а потом город остался позади. С обеих сторон шоссе тянулись поля, листва деревьев пылала под яркими лучами солнца. Крестообразная тень «сенеки» скользила по асфальту, одно темное крыло на мгновение накрыло человека с рюкзаком на спине, шагающего по обочине. Мужчина-муравей поднял голову, помахал рукой. Чак ответил тем же, пусть и знал, что снизу его не увидишь.

– *Обалденно* прекрасный день! – воскликнула Клоди.

Чак рассмеялся.

Жить им оставалось сорок секунд.

2

Лесной сурок неуклюже ковылял по обочине шоссе номер 119, направляясь в сторону Честерс-Милла. От города его отделяли еще полторы мили, «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни» подмигивал солнечными зайчиками в том месте, где дорога уходила влево. Сурок планировал (насколько сурки могли что-либо планировать) свернуть в лес задолго до того, как поравнялся бы с салоном, но пока обочина его вполне устраивала. Он ушел от норы гораздо дальше, чем собирался, но солнце приятно согревало спину, а в нос били бодрящие запахи, вызывая заманчивые образы в его мозгу.

Сурок остановился и на несколько секунд поднялся на задние лапки. Зрение с годами, конечно, ухудшилось, но он все равно сумел разглядеть человека, который шагал навстречу по противоположной обочине.

Сурок решил, что стоит пройти чуть дальше. Люди иной раз оставляли за собой вкусную еду.

Он прожил на свете немало лет и изрядно растолстел. За свою жизнь сурок излазил множество баков с пищевыми отходами, а дорогу к свалке Честерс-Милла знал так же хорошо, как все три тоннеля в собственной норе: на мусорке всегда удавалось чем-нибудь поживиться. Он вразвалочку двинулся дальше походкой всем довольного старичка, наблюдая

за человеком, приближающимся к нему по другой обочине.

Человек остановился. Сурок осознал, что его засекли. Справа и чуть впереди лежала береза. Сурок решил, что спрячется под ней, дождется, пока человек уйдет, а потом обследует обочину на другой стороне дороги в поисках…

Сурок успел подумать о возможной находке и сделать еще три шага вразвалочку, хотя его уже разрезало пополам. Потом он упал на бок. Хлынула кровь, внутренности вывалились в дорожную пыль; задние лапки дважды быстро дернулись, потом застыли.

Последняя мысль, которая приходит перед тем, как нас накрывает темнота, у сурков та же, что и у людей: *Что произошло?*

3

На всех дисках приборной панели стрелки свалились на ноль.

– Какого черта?! – Клоди Сандерс повернулась к Чаку. Ее глаза широко раскрылись, в них читалось недоумение – но не паника. Паника появиться просто не успела.

Чак хотел было взглянуть на приборную панель, но тут увидел, как сплющивается нос «сенеки». Потом увидел, как отваливаются пропеллеры.

А больше увидеть ничего не успел. Потому что времени не осталось. Самолет взорвался над шоссе номер 119 и, пылая, обрушился на землю. Вместе с его осколками падали и куски человеческих тел. Дымящаяся рука Клодетт с глухим стуком приземлилась рядом с аккуратно располовиненным лесным сурком.

Происходило это двадцать первого октября.

Барби

1

Настроение Барби начало подниматься, как только он миновал «Мир еды» и оставил за спиной центр города. Когда же Барби увидел щит с надписью: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОД ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ПОСКОРЕЕ!» – ему стало совсем хорошо. Он радовался, что снова в пути, ведь в Милле ему крепко досталось. Как минимум две последние недели тучи над ним сгущались, а закончилось все дракой на автомобильной стоянке у «Дипперса». Да и грядущие перемены сами по себе придавали Барби бодрости.

– В сущности, я всего лишь бродяга, – изрек он и рассмеялся. – Бродяга, шагай прямиком в Биг-Скай[3]. И почему нет, черт побери? Монтана! Или Вайоминг! Даже Рэпид-мать-его-Сити в Южной Дакоте. Куда угодно, лишь бы уйти отсюда.

Он услышал приближающийся шум двигателя, развернулся – теперь шагая спиной вперед – и вытянул руку с поднятым большим пальцем. Увидел очаровательную комбинацию: старый грязный «форд-подвези-меня» и свеженькая,

[3] Биг-Скай – горнолыжный курорт в штате Монтана.

юная блондинка за рулем. *Пепельная* блондинка, которых он ставил выше любых других блондинок. Барби изобразил самую обворожительную улыбку. Девушка, что сидела за рулем «подвези-меня», ответила тем же, и, Господи, он съел бы последний чек, полученный в «Эглантерии», если она прожила хоть на день больше девятнадцати годков. Слишком молодая для джентльмена тридцати лет, но с которой уже все можно, как говорили в кукурузной Айове его юности.

Пикап притормозил, Барби уже направился к нему… а потом автомобиль вновь набрал скорость. Проезжая мимо, девушка бросила на Барби еще один короткий взгляд. Улыбка осталась, но теперь в ней уже читалось сожаление. *Меня вдруг переклинило*, говорила эта улыбка, *но теперь здравый смысл вернулся на свое место*.

Барби подумал, что узнал ее, но с уверенностью утверждать не мог: в воскресенье утром «Эглантерия» более всего напоминала дурдом. Но Барби полагал, что видел ее с мужчиной постарше, вероятно, ее отцом, и они оба сидели, уткнувшись в воскресную «Таймс». Если б он мог обратиться к ней, когда она проезжала мимо, то сказал бы: *Если ты доверилась мне, съев поджаренную мной яичницу с колбасой, то вполне можешь довериться и в другом: посадить меня на пассажирское сиденье и подвезти на несколько миль*.

Но само собой, шанса такого ему не представилось, и он просто вскинул руку, как бы говоря: *Я не в обиде*. Тормозные огни пикапа вспыхнули, словно она передумала. Но тут же

погасли, и автомобиль укатил, набирая скорость.

В последующие дни, когда ситуация в Милле начала меняться от плохого к худшему, Барби вновь и вновь проигрывал в памяти этот эпизод, случившийся под теплым октябрьским солнышком. Он думал о той мгновенной вспышке тормозных огней… будто она все-таки узнала его. *Да это же повар из «Эглантерии», я почти уверена. Может, мне надо…*

Но «может» – это пучина, в которую проваливались и более достойные люди, чем он. Если бы девушка действительно передумала, в его жизни изменилось бы все. Но он больше не видел блондинку с юным личиком, сидевшую за рулем старого грязного фордовского пикапа «Ф-150». Должно быть, она пересекла границу Честерс-Милла за считаные минуты (а то и секунды) до того, как граница эта закрылась. Будь он рядом с ней, то оказался бы вне города и на свободе.

Если бы только, позднее размышлял Барби, когда не мог уснуть, *остановка не отняла бы много времени. Секундное дело, и меня бы здесь не было. И ее тоже. Потому что на Сто девятнадцатом шоссе разрешалось ехать со скоростью пятьдесят миль в час. А при скорости пятьдесят миль в час…*

Тут мысли его всегда возвращались к самолету.

2

Самолет пролетел над ним сразу после того, как он миновал «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», место, к которому Барби не питал добрых чувств. Нет, он не купил здесь какую-то развалюху (больше года обходился без машины, последнюю продал в Пунта-Горде, штат Флорида). Просто Джим Ренни-младший был одним из тех парней на парковке у «Дипперса». Студентик, пытающийся кому-то что-то доказать, а если в одиночку доказать не получалось, то доказывал вместе с большой компанией. И по собственному опыту Барби знал, что такая уж манера у всех Джимов-младших этого мира.

Но теперь все осталось позади. «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», Джим-младший, «Эглантерия» («Жареные моллюски – наш конек. Всегда *целые* – никогда кусочками»), Энджи Маккейн, Энди Сандерс. Все-все, включая «Дипперс» («Избиения на парковках – наш конек»). Все позади. А впереди что? Ну как же, ворота в Америку. Прощай, Мэн, с его маленькими городишками, привет, Большое Небо[4]!

Или, может, черт побери, опять податься на юг? Каким бы прекрасным ни выдался этот конкретный день, зима затаилась за одним или двумя листочками календаря. А на юге,

[4] В оригинале: Big Sky – большое небо (*англ.*).

возможно, очень даже ничего. Он никогда не бывал в Масл-Шоулсе[5]. Это чертовски поэтично, Масл-Шоулс! Идея так вдохновила его, что он, услышав шум приближающегося к нему маленького самолета, вскинул голову и энергично помахал рукой. Надеялся, что в ответ самолет покачает крыльями, но просчитался, хотя полет проходил на небольшой скорости и на малой высоте. Барби предположил, что в самолете туристы – день просто создан для них – или за штурвалом какой-нибудь молодой парнишка с лицензией ученика, слишком боящийся напортачить и вообще не обращающий внимания на рожденных ползать, таких, как Дейл Барбара. Но он пожелал им счастливого пути. Туристам, любующимся красотами природы, или парнишке, которого от первого самостоятельного полета отделяли еще шесть недель, Барби пожелал счастливого пути. День ему нравился и становился лучше с каждым шагом, уносящим его от Честерс-Милла. Слишком много говнюков в Милле, а кроме того, путешествия благодатно влияют на душу.

Может, переезд в октябре надо возвести в ранг закона, подумал Барби. *Новый национальный девиз: «ВСЕ УХОДЯТ В ОКТЯБРЕ». Берешь разрешение на переезд в августе, в середине сентября подаешь положенное заявление об увольнении. Потом…*

Он остановился. Впереди, не так уж и далеко, на обочине с другой стороны шоссе, увидел лесного сурка. Чертовски

[5] Масл-Шоулс – город в штате Алабама.

толстого. С блестящей шерстью, да еще и нахального. Вместо того чтобы юркнуть в высокую траву, сурок продолжал идти вперед. Верхушка упавшей березы лежала на обочине, и Барби мог поспорить, что сурок шмыгнет под нее и будет ждать, пока большой плохой Двуногий минует его. Если нет, они пройдут мимо друг друга, как двое бродяг, коими они и являлись, один, о четырех ногах, направится на север, второй, о двух, – на юг. Клево, однако.

Мысли эти пролетели в голове Барби за считаные секунды; тень самолета еще находилась между ним и сурком – черный крест, бегущий по асфальту. А потом практически одновременно произошли два события.

Первое касалось сурка. Только что он был единым целым. А тут разделился на две части. Обе дергались и исходили кровью. Барби остановился, нижняя челюсть отвисла, словно удерживающие ее мышцы внезапно растянулись до предела. Создавалось ощущение, что на сурка опустился нож невидимой гильотины.

И тут же, прямо над разрезанным сурком, взорвался самолет.

3

Барби посмотрел вверх. С неба падала расплющенная версия самолета из Мира Бизарро[6], красивого маленького самолета, который пролетел над ним чуть раньше. Скрученные оранжево-красные лепестки огня плясали над аэропланом, и цветок этот все еще распускался – роза «Американская беда»[7]. Из падающего самолета вырывались клубы дыма.

Что-то ударилось о дорогу и вышибло из нее кусочки асфальта, прежде чем, раскачиваясь, укатиться в высокую траву за левой обочиной. Пропеллер.

Если бы он покатился на меня…

Барби представил себе, как его разрезает пополам – то же самое произошло с сурком, – и развернулся, чтобы убежать. Что-то упало перед ним, и он закричал. Но не второй пропеллер – нога мужчины в джинсовой штанине. Крови Барби не увидел, но боковой шов распоролся, открыв белую кожу и курчавые черные волоски.

Ступня отсутствовала.

Барби побежал, судя по ощущениям, будто в замедленной

---

[6] Мир Бизарро – вымышленная планета, впервые появившаяся в комиксах в начале 1960-х.

[7] Роза упомянута в связи с тем, что в 1986 г., выполняя решение конгресса, Рональд Рейган, президент США, объявил розу Национальной цветочной эмблемой Соединенных Штатов Америки.

съемке. Он видел, как одна нога в старом, потертом высоком ботинке выдвигается вперед и опускается. Потом исчезает позади него, и вперед выдвигается вторая нога. Все медленно, медленно. Словно наблюдаешь повтор эпизода бейсбольного матча, когда игрок пытается украсть вторую базу.

Что-то огромное и полое хряпнулось у него за спиной, последовал грохот еще одного взрыва, и тут же от макушки до каблуков его окатило жаром и будто толкнуло вперед горячей рукой. Все мысли пропали, и не осталось ничего, кроме инстинктивного желания выжить.

Дейл Барбара бежал, спасая свою жизнь.

4

Через сотню ярдов, чуть дальше или чуть ближе, большая горячая рука перестала давить на него, хотя запах горящего бензина – плюс сладковатая вонь плавящегося пластика и поджаривающейся человеческой плоти – оставался сильным: его приносил легкий ветерок. Барби пробежал еще шестьдесят ярдов, остановился, оглянулся. Он тяжело дышал. Не думал, что причина в беге. Он не курил, находился в хорошей форме (ну… относительно, ребра справа болели после драки на автомобильной стоянке у «Дипперса»). Пришел к выводу, что причина в обуявшем его ужасе. Его могли убить падающие обломки самолета – не только катящийся пропеллер, – или он мог сгореть заживо. И такого не случилось лишь благодаря слепому случаю.

Потом от увиденного учащенное дыхание перехватило. Он не отрывал глаз от места катастрофы. Дорогу засыпало обломками – оставалось только удивляться, что его ничем не пришибло; более того – даже не ранило. Перекрученное крыло лежало справа; второе крыло торчало из высокой нескошенной тимофеевки слева, недалеко от того места, куда укатился пропеллер. Помимо ноги в джинсовой штанине, он видел оторванную руку. Кисть указывала на совершенно изуродованную голову, как бы говоря: *Это моя*. Женскую голову, если судить по волосам. Провода, которые тянулись

параллельно дороге, отрезало. Они лежали на обочине, потрескивая и подергиваясь.

Позади головы и руки лежал изломанный фюзеляж. Барби прочитал: «NJ3». Если были другие буквы и цифры, их оторвало.

И тут его внимание привлекло другое – роза «Беда» исчезла, но огонь в небе оставался. Горел, разумеется, бензин. Но…

Он стекал вниз по воздуху тонкой пленкой. За пленкой и сквозь нее Барби видел сельский пейзаж Мэна – мирный, еще никак не реагирующий, но пребывающий в движении, колышущийся, как воздух над мусоросжигательной печью или бочкой. Создавалось впечатление, будто кто-то плеснул бензин на оконное стекло и поджег его.

Словно под гипнозом – во всяком случае, такое было ощущение – Барби двинулся к месту катастрофы.

5

Прежде всего у него возникло желание прикрыть части человеческих тел, но не знал чем. Барби видел еще одну ногу (в штанине от зеленых слаксов) и женский торс, угодивший в куст можжевельника. Он мог снять рубашку и накрыть ею женскую голову, а все остальное?

Со стороны Моттона, ближайшего города, расположенного с юга, приближался автомобиль, один из маленьких внедорожников. Он ехал быстро. Кто-то или услышал грохот, или увидел вспышку. Подмога. Слава тебе Господи, подмога! Встав над белой разделительной полосой и держась подальше от огня, который по-прежнему так странно стекал с неба, словно вода по оконному стеклу, Барби замахал руками над головой, снова и снова скрещивая их в большую букву «Х».

Водитель один раз просигналил, давая понять, что все понял, и ударил по тормозам, оставив за собой сорок футов резинового следа. Выскочил на асфальт чуть ли не до того, как маленькая зеленая «тойота» остановилась, крупный, мускулистый мужчина с длинными седыми волосами, торчащими из-под бейсболки «Тюленей»[8]. Побежал к обочине дороги, намереваясь обогнуть огненный занавес.

– Что случилось?! – прокричал он. – Что тут, нах…

И в этот момент к чему-то приложился. Крепко. Рядом

[8] Имеются в виду «Портлендские тюлени» – бейсбольная команда.

с ним вроде бы ничего не было, но Барби увидел, как нос мужчины свернулся в сторону, словно его сломало. Мужчину отбросило от «ничего», кровь полилась изо рта и из носа, закапала со лба. Он упал на спину, потом сел. Таращился на Барби мутными изумленными глазами, тогда как кровь стекала на рубашку, а Барби таращился на него.

Младший и Энджи

1

Двое мальчишек, которые ловили рыбу около моста Мира, не посмотрели в небо, когда над ними пролетел самолет, а Ренни-младший посмотрел. Он находился в квартале от этих мальчишек, на Престил-стрит, и узнал звук: «Сенека-V» Чака Томпсона. Младший посмотрел вверх, увидел самолет и тут же опустил голову: яркий солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, резанул по глазам, прострелив голову болью. Опять. В последнее время голова у него болела часто. Иногда лекарства помогали. Случалось, особенно в последние три-четыре месяца, что и нет.

Мигрень – такой диагноз поставил доктор Хаскел. От боли этой голова просто разламывается, а яркий свет боль усиливает, особенно если она еще в зародыше. Иной раз он думал о муравьях, которых, мальчишками, они жгли на пару с Френком Дилессепсом. Берешь увеличительное стекло и фокусируешь луч на насекомых, когда те выползают из муравейника или вползают в него. Результат – фрикасе из муравьев. А теперь, когда головная боль начинала усиливаться, сам его мозг будто становился муравейником, а глаза – двумя одинаковыми увеличительными стеклами.

Ему только двадцать один, и так ему мучиться до сорока пяти, когда, по словам доктора Хаскела, мигрень наконец-то отпустит?

Возможно. Но в то утро головная боль не могла остановить его. Внедорожник «фо-раннер» Генри Маккейна или «приус» Ладонны Маккейн на подъездной дорожке, возможно, остановили бы: в этом случае он скорее всего развернулся бы, потопал домой, принял еще одну капсулу имитрекса и улегся на кровати, задернув шторы и положив на лоб смоченную холодной водой тряпку. Возможно, боль начала бы уходить, а может, и нет. Стоило этим черным паукам уцепиться…

Младший вновь посмотрел вверх, на сей раз сощурившись, приготовившись к встрече с ненавистным светом, но «сенека» уже улетел, и даже гудение двигателей (тоже раздражающее – все звуки раздражали, когда начинался очередной приступ) затихало. Чак Томпсон с парнем или девицей, косящими под летчика. Младший не имел ничего против Чака Томпсона – едва его знал, – но ему вдруг с детской жестокостью захотелось, чтобы этот ученик Чака напортачил по-крупному и самолет рухнул на землю.

Хорошо бы на отцовский автосалон.

Вновь сильный, до тошноты, укол боли пронзил голову, но он все равно поднялся по ступенькам крыльца дома Маккейнов. Потому что это следовало сделать. Собственно, следовало давно. Энджи нуждалась в уроке.

Но в уроке маленьком. Не выходи из себя.

И тут же он услышал голос матери, будто ее звали. Сводящий с ума, самоуверенный голос: *Младший всегда был вспыльчивым, но теперь он гораздо лучше умеет держать себя в руках. Ведь так, Младший?*

Да. Конечно. Во всяком случае, *умел*. Футбол помог. Но теперь футбола нет. Теперь нет даже колледжа. Вместо них – головные боли. И они превращали его в злобного зверя.

Не выходи из себя.

Нельзя, конечно. Но поговорить надо, болит у него голова или нет.

И возможно, с ней поговорит и его кулак. Как знать? Если Энджи станет хуже, ему, пожалуй, полегчает.

Младший нажал на кнопку звонка.

2

Энджи Маккейн только что вышла из душа. Надела халат, перетянула пояском, накрутила полотенце на мокрую голову. «Иду!» – громко крикнула она, рысью сбегая по лестнице на первый этаж. Губы изгибались в легкой улыбке. Это Френки; она практически не сомневалась, что это Френки. Наконец-то все начинает налаживаться. А этот мерзкий повар блюд быстрого приготовления (красавчик, но все равно мерзкий) или уехал из города, или уезжает, и родителей дома нет. Соедините первое со вторым, и вы получите знак Божий о том, что все двинулось в правильном направлении. Они с Френки смогут забыть все это дерьмо и вернуться друг к другу.

Она совершенно точно знала, как надо сделать: сначала распахнуть дверь, а потом халат. Прямо сейчас, в ярком свете субботнего утра, когда ее мог увидеть любой прохожий. Конечно, сначала надо убедиться, что это Френки, – она не собиралась вгонять в краску старого толстого мистера Уикера, если бы тот стоял под дверью, принеся посылку или заказное письмо, – но почту обычно приносили где-то через полчаса.

Нет, это Френки. Никаких сомнений.

Она открыла дверь, легкая улыбка сменилась приветственной широкой – может, и зря, поскольку зубы у Энджи

налезали друг на друга, да и размерами соперничали с «Чиклетс»[9]. Одна рука легла на пояс. Но не развязала его. Потому что пришел не Френки, а Младший, и выглядел он таким *злобным*…

Злобным она видела его и раньше – чего там, много раз, – но таким злобным только в восьмом классе, когда Младший сломал руку Дюпре. Тот маленький гомик посмел приперетьться на городскую баскетбольную площадку и попроситься в игру. И она полагала, что такие же громы и молнии метало лицо Младшего в ту ночь на парковке у «Дипперса», но, разумеется, Энджи там не было, она только об этом слышала. В Милле все об этом слышали. Ее вызывали к чифу Перкинсу, и там сидел тот чертов Барби…

– Младший? Младший, что?..

Тут он влепил ей оплеуху, и мыслительный процесс прервался.

[9] «Чиклетс» – жевательные подушечки.

3

В первый раз ударил несильно, потому что стоял в дверях и не мог размахнуться; так что бил с полузамаха. Мог и не бить вовсе, по крайней мере не начинать с этого, если б она не улыбнулась во весь рот – Господи, эти зубы, от их вида у него мурашки бежали по коже еще в начальной школе – и если б не назвала Младшим.

Разумеется, в городе все звали его Младшим, он сам о себе думал как о Младшем, но не осознавал, как сильно ненавидит это прозвище, просто до смерти ненавидит, пока не услышал, как оно выскальзывает между пугающих, похожих на надгробия, зубов той сучки, что доставила ему так много неприятностей. Озвученное, слово это пронзило его голову, точно солнечный свет, когда он хотел взглянуть на самолет.

Но для оплеухи с полузамаха получилось неплохо. Энджи пятилась, пока не уперлась в стойку лестничных перил, и полотенце слетело с ее головы. Мокрые каштановые кудряшки зазмеились по щекам, придав ей сходство с горгоной Медузой. Улыбка сменилась изумлением, и Младший увидел струйку крови, побежавшую из уголка рта. Хорошо. Прекрасно. Кровь сучке пущена по заслугам. Слишком много неприятностей она доставила. Не только ему, но и Френки, и Мелу, и Картеру.

В голове зазвучал голос матери: *Не выходи из себя, милый*,

она померла, но по-прежнему давала советы, *урок ей не помешает, но только маленький*.

И наверное, он смог бы ограничиться маленьким уроком, да только халат Энджи распахнулся, и выяснилось, что под ним она – голая. Младший увидел островок темных волос на ее плодильной ферме, ее чертовой зудящей плодильной ферме, которая и была главной гребаной проблемой, и, если на то пошло, из-за этих ферм и возникали все гребаные проблемы этого мира, и боль пульсировала, стучала, бухала, громыхала, грозя развалить его голову. В любой момент она могла взорваться, как термоядерная бомба. И тогда грибовидное облако вырвется из каждого уха, прежде чем взорвется все, что находилось выше шеи, и Ренни-младший сойдет с ума. (Он не знал, что у него опухоль мозга – страдающий одышкой, старый доктор Хаскел даже не рассматривал подобной возможности, не могло такого случиться у совершенно здорового в остальном молодого человека, едва перешагнувшего двадцатилетний рубеж.)

Это утро выдалось неудачным для Клодетт Сандерс и Чака Томпсона; можно сказать, оно выдалось неудачным для всех в Честерс-Милле.

Но лишь некоторым не повезло до такой степени, как бывшей подружке Френка Дилессепса.

4

Две более или менее связные мысли мелькнули в голове Энджи, когда она привалилась к стойке лестничных перил, посмотрела в выпученные глаза Младшего, увидела, как он кусает язык – кусает так сильно, что зубы в нем утопают.

Он спятил. Я должна позвонить в полицию, прежде чем он покалечит меня.

Она повернулась, чтобы через коридор добраться до кухни, сдернуть трубку с настенного телефона, набрать 911, а потом кричать, кричать и кричать. Сделала два шага, зацепилась за свалившееся с головы полотенце. На ногах удержалась – в старшей школе она входила в группу поддержки спортивных команд, так что хорошая координация осталась при ней, – но потерянные секунды дорого ей обошлись. Голову рвануло назад, ноги ушли из-под нее вперед. Младший схватил ее за волосы.

Дернул, прижав к своему телу. Он весь горел, как при высокой температуре. Она почувствовала, как быстро-быстро стучит его сердце, словно убегая от него.

– Лживая сука! – проревел он ей в ухо.

Крик острой болью пронзил ее голову. Она закричала сама, но в сравнении с ним тихо и робко. Потом его руки обхватили талию Энджи, и ее потащило по коридору с невероятной скоростью, так что ковра касались только пальцы ног.

В голове пронеслось, что она – фигурка на капоте бешено мчащегося автомобиля, а потом они оказались на кухне, залитой сверкающим солнечным светом.

Младший закричал вновь. На этот раз не от ярости, а от боли.

5

Свет убивал, поджаривал вопящий от боли мозг, но Младший не позволил свету остановить его.

Не снижая скорости, он протаранил девушкой кухонный стол с пластмассовым верхом. Стол ударил Энджи в живот, заскользил по полу и врезался в стену. Сахарница, солонка и перечница слетели с него. Воздух разом вырвался из легких Энджи. Одной рукой держа ее за талию, а другой схватившись за мокрые кудряшки, Младший развернул девушку и бросил на холодильник «Колдспот». Она врезалась в его дверцу с такой силой, что чуть ли не все магнитики холодильника посыпались на пол. Упала и Энджи, лицо застыло, стало бумажно-белым. Теперь кровь шла не только из нижней губы, но и из носа, ярко выделяясь на белой коже.

Младший увидел, как ее взгляд метнулся к стойке с ножами на разделочном столике, и, когда она попыталась встать, он ударил ее коленом в лицо, и сильно. Послышался глухой хруст, словно в соседней комнате уронили что-то большое и фарфоровое – скажем, блюдо.

Вот как следовало врезать Дейлу Барбаре, подумал он и отступил назад, прижимая ладони к пульсирующим болью вискам. Слезы наполнили глаза и покатились по щекам. Он сильно прикусил язык, кровь потекла по подбородку и закапала на пол, но Младший этого не замечал. Слишком сильно

болела голова.

Энджи лежала лицом вниз на полу среди магнитов с холодильника. Надпись на самом большом гласила: «ЧТО СЕГОДНЯ ПОПАДЕТ В РОТ, ЗАВТРА ПОЯВИТСЯ В ЗАДНИЦЕ». Младший подумал, что Энджи отключилась, но тут ее всю начало трясти. Пальцы дрожали, точно она готовилась сыграть что-то сложное на пианино. Энджи заколотила ногами об пол, так же повели себя и руки. Она будто собиралась от него уплыть. У нее начался припадок.

– Прекрати! – закричал он, но ничего не изменилось. – Прекрати! Прекрати это делать, сука!

Младший упал на колени, ее дергающаяся голова оказалась между ними. Лоб снова и снова стукался об пол, как у погонщика верблюдов, отбивающего поклоны Аллаху.

– Прекрати! Прекрати, твою мать!

Энджи зарычала. На удивление громко. Господи, а если кто-то услышит ее? Если его здесь накроют? Это тебе не объяснение с отцом, почему ты бросил колледж (о чем Младший пока умалчивал). На сей раз дело не ограничилось бы четырехкратным урезанием денег, обычно выдаваемых на месяц, как за драку с поваром (а спровоцировала ее эта никчемная сука Энджи). На сей раз Большой Джим Ренни не сможет уговорить чифа Перкинса и местных легавых. На сей раз…

Перед его мысленным взором внезапно появились мрачно-зеленые стены Шоушенка, тюрьмы штата. Не хотел бы он туда попасть, перед ним лежала целая жизнь. Но ведь мог.

Даже если б сейчас заткнул ей рот, все равно мог. Потому что позже она заговорит. И ее лицо – выглядело оно гораздо хуже, чем лицо Барби после той драки на парковке – заговорит тоже.

Если только не заставить Энджи замолчать навсегда.

Младший схватил девушку за волосы и помог биться лбом о керамические плитки пола в надежде, что она лишится чувств. И тогда он сможет закончить… ну, понятно *что*… Но припадок только усилился. Она начала лупить ногами по «Колдспоту», и оставшиеся на дверце магниты дождем посыпались вниз.

Он отпустил волосы девушки и сжал ей горло. Сказал:

– Сожалею, Энджи, не думал, что так выйдет.

Но он не сожалел. Только чуть ли не выл от головной боли и боялся, что ее конвульсии в ярко освещенной кухне никогда не закончатся. Его пальцы начали уставать. Кто бы мог предположить, что это такая тяжелая работа – задушить человека?

Где-то далеко-далеко на юге что-то грохнуло. Будто кто-то выстрелил из очень большой пушки. Младший не обратил на это внимания. Он усилил хватку, и наконец Энджи начала затихать.

Где-то гораздо ближе – в доме, на этом этаже – раздалось тихое позвякивание. Он вскинул голову, широко раскрыв глаза, в полной уверенности, что позвонили в дверь. Кто-то услышал шум и вызвал полицию. Голова разламыва-

лась, он чувствовал, что растянул все пальцы, и выходило, что зря. Младший ясно представил: его везут в суд округа Касл для предъявления обвинения, голова накрыта пиджаком какого-то копа.

И тут Младший узнал этот звук. Точно так же, когда отрубали свет, позвякивал его компьютер, переключаясь на аккумуляторную батарею.

Бинг… Бинг… Бинг…

Бюро обслуживания номеров, пришлите мне в номер , пронеслось у него в голове, и он продолжил душить Энджи. Теперь она лежала недвижно, но Младший не разжимал рук еще минуту, отвернув голову, чтобы не нюхать ее дерьмо. Как это на нее похоже – выдать напоследок такой отвратительный подарочек! Как это похоже на них всех! Женщины! Женщины и их плодильные фермы! Те же муравейники, покрытые волосами! А еще говорят, что все проблемы от *мужчин*!

6

Он стоял над ее окровавленным, обосранным, безусловно мертвым телом, гадая, что делать дальше, когда далеко на юге вновь что-то грохнуло. Не похожее на выстрел – что-то побольше. Взрыв. Может, красивый маленький самолетик Чака Томпсона все-таки разбился? Такое возможно. В день, когда ты собираешься просто накричать на девицу – сделать внушение, ничего больше, – а она сама напрашивается на убийство, возможно все.

Завыла полицейская сирена. Младший не сомневался, что едут за ним. Кто-то заглянул в окно и увидел, как он ее душит. Мысль эта его подстегнула. По коридору Младший направился к парадной двери, добрался до полотенца, которое сшиб с головы Энджи первой оплеухой, остановился. Копы же приедут этим путем, именно этим. Встанут перед домом, их новенькие светодиодные мигалки вонзят стрелы боли в визжащую мякоть его несчастного мозга…

Младший развернулся, побежал обратно на кухню. Посмотрел вниз, прежде чем переступить через тело Энджи, не смог не посмотреть. В первом классе он и Френк иногда дергали ее за косички, а она показывала им язык и собирала глаза в кучку. Теперь ее глаза вылезли из орбит, как у древних мраморных статуй, а рот заполняла кровь.

Это сделал я? Неужто я?

Да. Он. И даже одного мимолетного взгляда хватило, чтобы объяснить почему. Ее гребаные зубы. Эти чудовищные зубищи.

Вторая сирена присоединилась к первой, потом третья. Но они удалялись. Слава Иисусу, они удалялись. Патрульные машины мчались по Главной улице в ту сторону, откуда донеслись взрывы.

Больше задерживаться в доме Младший не стал. Прокрался через двор Маккейнов, не отдавая себе отчета, что любой, кто случайно увидел бы его (никто не увидел), сразу вынес бы вердикт: виновен. За томатными грядками Ладонны высился дощатый забор. В принципе калитка запиралась на замок, но и на этот раз он висел на засове открытым. В детстве и юности Младшему иногда доводилось бывать здесь, и ни разу он не видел, чтобы калитку запирали.

Младший ее распахнул. К забору подступали заросли кустарника и низкорослых деревьев, через которые тропинка вела к реке Престил-Стрим. Однажды, в тринадцать лет, Младший подсмотрел, как Френк и Энджи стояли на этой тропинке и целовались. Ее руки обвивали его шею, его пальцы тискали ее грудь, и Младший осознал, что детство закончилось.

Он наклонился и блеванул в бегущую воду. Злобные солнечные блики на ее поверхности просто убивали. Потом, когда его зрение прояснилось, Младший взглянул направо, на мост Мира. Рыбачившие мальчишки ушли, два патрульных

автомобиля мчались вниз с холма городской площади.

Загудела городская сирена. Генератор, установленный в здании муниципалитета, включился, как ему и полагалось при прекращении централизованной подачи электроэнергии, и сирена громкими децибелами сообщала всем о постигшей беде. Младший застонал и закрыл уши руками.

Мост Мира представлял собой крытый пешеходный мостик, теперь обветшавший и провисший. На самом деле он назывался Переходом Элвина Честера, но стал мостом Мира в 1969 году, когда какие-то мальчишки (в те времена по городу ходило много слухов о том, кто именно) нарисовали на нем большую синюю «голубиную лапку» – символ мира. Она и теперь оставалась на прежнем месте, только практически выцвела. Мост Мира уже десять лет как закрыли. Полицейские ленты с надписями «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН» крест-накрест перегораживали его с обоих концов, но, разумеется, по нему продолжали ходить. Два или три вечера в неделю шайка легавых чифа Перкинса освещала мост фарами своих автомобилей, всегда с одной или другой стороны, никогда – с обеих сразу. Они не хотели забирать в участок молодняк – выпивавших или обнимавшихся на мосту, ограничивались тем, чтобы шуганут их. Каждый год на городском собрании кто-то вносил предложение о сносе моста Мира, а потом кто-то вносил предложение о его реставрации, и оба предложения оставляли для дальнейшего обсуждения. Создавалось впечатление, что в городе сложился тайный консенсус, кото-

рый заключался в следующем: мост Мира должен оставаться таким, какой он есть.

Сегодня Ренни-младшего это только радовало.

Пошатываясь, он брел по северному берегу Престил-Стрим, пока не оказался под мостом – полицейские сирены затихали, городская ревела так же громко, – а потом поднялся на Страут-лейн.

Посмотрел в обе стороны, быстро прошел мимо щита с надписью «ТУПИК. МОСТ ЗАКРЫТ», поднырнул под скрещенные желтые ленты и юркнул в тень, под навес моста. Солнце просвечивало сквозь дырявую крышу, разбрасывая монеты света по истертым деревянным доскам настила, но – после ослепительного ада той кухни – здесь царила блаженная темнота. Голуби ворковали на стропильных балках. У дощатых стенок валялись пивные банки и бутылки из-под алленовского бренди с кофейным вкусом.

Сухим из воды мне не выйти. Я не знаю, осталась ли у нее под ногтями моя кожа, не могу вспомнить, оцарапала она меня или нет, но моя кровь там точно есть. И мои отпечатки пальцев. Вариантов у меня только два: сбежать или прийти с повинной.

Нет, был и третий. Он мог покончить с собой.

Но сначала надо добраться до дома. Затянуть шторы в спальне. Превратить ее в пещеру. Принять еще капсулу имитрекса, лечь, может, немного поспать. Потом, возможно, он вновь обретет способность думать. А если за ним придут,

когда он будет спать? Ну что же, это избавит его от необходимости выбирать между вариантом № 1, вариантом № 2 и вариантом № 3.

Младший пересек городскую площадь. Когда кто-то – какой-то старик, которого он смутно помнил, – схватил его за руку и спросил: «Что случилось? Что происходит?» – Младший лишь покачал головой, освободил руку и пошел дальше.

За его спиной городская сирена выла, как при конце света.

Большаки и проселки

1

В Честерс-Милле выходила еженедельная газета, которая называлась «Демократ». В названии крылась дезинформация, потому что грозная Джулия Шамуэй – издатель и редактор газеты – была закоренелой республиканкой. Шапка газеты выглядела следующим образом:

ЧЕСТЕРС-МИЛЛ

ДЕМОКРАТ

Изд. с 1890 г.

Служит «маленькому городку,

напоминающему башмак»!

Но и в девизе не обошлось без дезинформации. Честерс-Милл не напоминал башмак. Куда больше он походил на спортивный носок, такой грязный, что мог стоять сам по себе. Почти соприкасающийся на юго-западе с более крупным и процветающим Касл-Роком (пятка носка), Милл находился в окружении четырех административных единиц, бóльших по площади, но меньших по численности населения. Город Моттон подступал с юга и юго-востока, Харлоу – с востока и северо-востока, на севере находилась территория Ти-Эр-90, еще не получившая статуса города, на за-

паде – Таркерс-Миллс. Честерс и Таркерс в свое время звались фабриками-близнецами[10], и на пару – когда текстильные предприятия Центрального и Западного Мэна работали на полную мощность – превратили Престил-Стрим в загаженную и лишенную рыбы сточную канаву, вода в которой меняла цвет каждодневно и в зависимости от места. В те дни человек мог спустить каноэ на зеленую воду в Таркерсе, и она стала бы ярко-желтой, пересеки он границу между Честерс-Миллом и Моттоном. Кроме того, краска на каноэ ниже ватерлинии скорее всего облезла бы.

Но последнюю из этих прибыльных и загрязняющих окружающую среду фабрик закрыли в 1979 году. Вода в Престил-Стрим обрела обычный цвет. В реке вновь появилась рыба, но вопрос о том, годится она человеку в пищу или нет, остается открытым («Демократ» голосовал «за»).

Численность населения Честерс-Милла менялась в зависимости от сезона. Между Днем поминовения и Днем труда приближалась к пятнадцати тысячам, в остальное время колебалась около двух, в зависимости от соотношения умерших и родившихся в «Кэтрин Рассел», больнице, считавшейся лучшей к северу от Льюистона.

Если бы вы спросили людей, приезжавших в Честерс-Милл на лето, сколько дорог ведет в город, большинство ответило бы, что две: шоссе номер 117, которое уходило

---

[10] Mill – фабрика (*англ.*); то есть Честерс-Милл – Фабрика Честера, а Таркерс-Миллс – Фабрики Таркера.

к Норуэю и Саут-Пэришу, и шоссе номер 119, пересекавшее центр Касл-Рока по пути к Льюистону.

Те, кто прожил в городе лет десять, смогли бы назвать как минимум на восемь больше, все двухполосные, с твердым покрытием, от Блэк-Ридж-роуд и Дип-Кат-роуд, которые вели в Харлоу, до Претти-Вэли-роуд (да, такой же прелестной, как и название), уходившей на север, в Ти-Эр-90.

Старожилы, отдавшие городу тридцать лет и более, если дать им время подумать (возможно, в подсобке «Магазина Брауна», где еще стояла дровяная печь), назвали бы еще десяток, с разными названиями, от богоугодной (Год-Крик-роуд) до вульгарной (Литл-Битч-роуд), на городских картах помеченных только номерами.

Самым старым жителем Честерс-Милла на тот день, когда появился Купол (его так и назвали – День Купола), являлся Клайтон Брэсси. Он был также старейшим жителем округа Касл, а потому обладателем трости «Бостон пост». К сожалению, Клайтон уже не помнил, что такое трость «Бостон пост»[11], и достаточно смутно представлял себе, кто он такой. Иногда принимал свою праправнучку Нелл за жену, умершую сорока годами раньше, и репортеры «Демократа» уже три года как перестали общаться со «старейшим жителем города» (во время последнего интервью на вопрос, в чем сек-

[11] Имеется в виду традиция, возникшая по инициативе газеты «Бостон пост» в 1909 г. Старейшим жителям городов Новой Англии вручали несколько сотен изготовленных на заказ тростей. С 1930 г. трость может получить и женщина.

рет его долголетия, Клайтон ответил: «Где мой Христовый обед?»). В старческий маразм он начал впадать после своего сотого дня рождения, двадцать первого октября ему пошел сто шестой год. Когда-то Клайтон был прекрасным краснодеревщиком, специализировавшимся на комодах, лестничных перилах, декоративных накладках. В последнее время его достижения заключались в другом: съесть пудинг «Джелл-О», не забив им нос, и изредка добраться до унитаза, по пути не уронив в штаны с десяток замаранных кровью катышков.

Но в расцвете сил и в здравом уме – скажем, в восемьдесят пять лет – он назвал бы все дороги, ведущие в Честерс-Милл и из него, а общее их число равнялось тридцати четырем. Большинство были грунтовыми, про многие уже забыли, и практически все забытые дороги вились через густой молодой лес, поднявшийся на вырубках, принадлежащих компаниям «Даймонд мэтч», «Континентал пейпер компани» и «Американ тимбер».

Незадолго до полудня двадцать первого октября все дороги в мгновение ока перекрыло.

2

На большинстве из этих дорог не произошло ничего такого выдающегося вроде взрыва «Сенеки-V» или последующей трагедии с лесовозом, но кое-какие неприятности случились. Не могли не случиться. Невозможно обойтись без мелких неприятностей, если вокруг города внезапно возникает нечто, сравнимое с невидимой каменной стеной.

В тот самый момент, когда сурка разрезало на две части, его судьбу повторило пугало, которое стояло на тыквенном поле Эдди Чалмерса, недалеко от Претти-Вэли-роуд. Пугало стояло точно на административной границе между Миллом и Ти-Эр-90. Двойственность его положения всегда забавляла Эдди, и он прозвал своего распугивателя птиц Пугалом без определенного места жительства, или попросту мистером Бомжом. Половина мистера Бомжа упала в Милл, вторая – в Ти-Эр, как называли местные эту территорию.

Несколькими секундами позже вороны, стая которых направлялась к тыквам Эдди (ворон мистер Бомж совершенно не пугал), ударились обо что-то такое, чего раньше там не было. Большинство сломали шеи и черными комками попадали на Претти-Вэли-роуд и на поля по обе ее стороны. Собственно, птицы везде, внутри Купола и снаружи, бились об него и падали мертвыми; их тела стали одним из способов определения местоположения этой новой преграды.

Боб Ру копал картофель возле Год-Крик-роуд. Он возвращался домой на ленч (в тех местах его обычно называют обедом), сидя на стареньком тракторе «дир» и слушая новехонький айпод, подарок жены на его, как выяснилось, последний день рождения. Дом Боба находился в какой-то полумиле от поля, где он копал картофель, но, к несчастью для него, поле было в Моттоне, а дом – в Честерс-Милле. Трактор врезался в барьер на скорости пятнадцать миль в час. Боб в это время слушал песню Джеймса Бланта «Ты прекрасна». За руль он, можно сказать, и не держался, видел, что дорога пустынна до самого его дома. Поэтому, когда трактор резко остановился, наткнувшись на преграду, картофелекопалка, которую он тащил за собой, подпрыгнула, а потом грохнулась вниз. Боб перелетел через двигательный отсек трактора и врезался в Купол. Айпод взорвался в широком нагрудном кармане его комбинезона, но Боб этого уже не почувствовал. Он сломал шею и раздробил череп о ничто, с которым столкнулся, и вскоре умер на земле около одного из высоких колес его трактора, которое продолжало вращаться. Сами знаете, ничто не работает так долго, как «дир».

3

Моттон-роуд на самом деле границу Моттона нигде не пересекала, целиком и полностью находилась в пределах Честерс-Милла. Рядом с ней построили новый жилой район, который где-то с 1975 года начали называть Истчестером. Принадлежали эти дома в основном тридцати- и сорокалетним, которые по будням мотались в Льюистон-Обурн, где получали хорошие деньги, занимая беловоротничковые должности. Все эти дома стояли в Милле, но у многих дворы захватывали и часть территории Моттона. В частности, вышесказанное относилось и к участку Джека и Майры Эванс, проживавших по адресу 379, Моттон-роуд. Майра разбила за домом огород, и хотя уже собрала практически весь урожай, на грядке еще остались несколько увесистых кабачков «голубой хаббард», которые лежали за парой сгнивших тыкв. Майра тянулась к одному из кабачков в тот самый момент, когда опустился Купол, и, хотя колени ее оставались в Честерс-Милле, кабачок лежал уже в Моттоне, примерно в футе от административной границы.

Она не закричала, потому что боли не почувствовала – во всяком случае, сначала. Кисть срезало очень уж резко и чисто.

Джек Эванс на кухне сбивал яйца для полуденного омлета. Играла «Эл-си-ди саундсистем» – трек «Североамери-

канская пена», – и Джек подпевал. Когда услышал тихий голос, произнесший его имя у него за спиной, в первое мгновение и не понял, что это голос жены, с которой он прожил четырнадцать лет. Но, обернувшись, увидел, что звала действительно Майра. Она стояла, переступив порог кухни и прижимая правую руку к телу. На полу за ней тянулся земляной след, чего раньше никогда не бывало. Обувь, в которой она работала в огороде, Майра обязательно оставляла на крыльце. Ее левая рука в грязной садовой перчатке зажимала правую руку, и что-то красное текло сквозь грязные пальцы. Сначала ему показалось, что это клюквенный сок, но только на секунду: Джек понял, что это кровь. Выронил стеклянную миску, которую держал в руках. Она разбилась об пол.

Майра вновь произнесла его имя, тем же тихим, дрожащим, детским голоском.

– Что случилось? Майра, что с тобой?

– У меня беда. – Она показала правую руку. Только грязная садовая перчатка, такая же, как на левой руке, отсутствовала. Как и правая кисть. Рука заканчивалась фонтанирующим обрубком. Она чуть улыбнулась и выдохнула: – Ох! – Затем ее глаза закатились. Промежность джинсов, в которых она работала в саду, потемнела от полившейся мочи. Колени подогнулись, она упала. Кровь продолжала хлестать из обрубка – по срезу студенты могли изучать анатомию, – смешиваясь на полу с яичной массой, которую Джек сбивал в

миске.

Когда он упал на колени рядом с женой, осколок миски глубоко вонзился ему в колено. Джек этого даже не заметил, хотя остался хромым на всю оставшуюся жизнь. Он схватил руку жены и сжал предплечье. Поток крови сбавил напор, но не прекратился. Джек вырвал брючный ремень из петель и затянул на предплечье Майры. Кровотечение остановилось, но он не мог закрепить ремень: дырочки под такой маленький диаметр не было.

– Господи, – сказал он пустой кухне. – Господи!

Только тут обратил внимание, что на кухне потемнело. Отключилось электричество. Из кабинета донеслось позвякивание: компьютер подавал сигнал бедствия. «Эл-сиди саундсистем» продолжала играть, потому что маленький проигрыватель работал на батарейках. Впрочем, Джека это не волновало: он потерял вкус к техно.

Как много крови, как много.

Вопроса, как она лишилась руки, даже не возникло. Хватало и других, более насущных проблем. Он не мог отпустить ремень, чтобы добраться до телефона: снова полилась бы кровь, а Майра и так потеряла ее слишком много. Значит, жену надо брать с собой. Он попытался тащить ее за рубашку, но сначала она вылезла из джинсов, а потом воротник начал душить Майру – Джек услышал, как жена захрипела. Поэтому обмотал руку ее длинными каштановыми волосами и потащил к телефону, на манер какого-нибудь троглодита.

Мобильник, само собой, работал. Он набрал 911 и услышал короткие гудки: занято.

– Быть такого не может! – прокричал Джек пустой кухне, где теперь не горел свет (хотя по-прежнему играла музыка). – Девятьсот одиннадцать не может быть занят, твою мать!

Он нажал кнопку повторного набора.

Занято.

Он сидел в кухне, привалившись спиной к дверцам шкафчика, как мог, крепко перетягивал ремнем руку жене, смотрел на кроваво-яичную жижу на полу, периодически нажимал на кнопку повторного вызова, в ответ всегда слышал в трубке это дурацкое пик-пик-пик. Что-то взорвалось не так уж и далеко, но он едва расслышал грохот сквозь музыку, ставшую уж слишком громкой (взрыва «сенеки» он не услышал вовсе). Джек хотел выключить музыку, но, чтобы добраться до проигрывателя, следовало поднять Майру. Поднять ее или отпустить ремень на две-три секунды. Не нравилось ему ни первое, ни второе. Вот он и сидел, тогда как «Северо-американская пена» сменилась «Кем-то великим», а эта песня уступила место «Всем моим друзьям». Потом последовали еще несколько треков, и наконец компакт-диск, который назывался «Звук серебра», закончился. Когда это случилось, наступила тишина, нарушаемая только далеким воем полицейских сирен и близким беспрерывным позвякиванием компьютера. Тут Джек осознал, что жена его больше не дышит.

Но я собирался приготовить ленч. Вкусный ленч, на который не стыдно пригласить и Марту Стюарт[12].

Сидя у шкафчика и по-прежнему держа ремень (как выяснилось позже, разжимание пальцев оказалось весьма болезненной процедурой), с правой штаниной, потемневшей от крови, текущей из разрезанного колена, Джек Эванс прижал голову жены к груди и заплакал.

[12] Марта Стюарт (р. 1941) – знаменитая телеведущая, обожаемая американцами «богиня стиля» и гуру ведения домашнего хозяйства.

4

Неподалеку от дома Эвансов, на заброшенной лесной дороге, которую не вспомнил бы даже старый Клай Брэсси, олень объедал нежные побеги на краю Престильского болота. Так уж вышло, что за очередным побегом он потянулся на сторону Моттона, и когда возник Купол, голову оленю отрезало, так аккуратно, словно его гильотинировали.

5

Мы совершили экскурсию по носкообразному контуру, который являл собой административную границу Честерс-Милла, и вернулись на шоссе номер 119, где, спасибо магии повествования, ни секунды не прошло с того мгновения, как мужчина лет шестидесяти, выскочивший из «тойоты», впечатался лицом во что-то невидимое, но очень прочное и сломал нос. Он сидит и в полнейшем замешательстве таращится на Дейла Барбару. Морская чайка, летевшая по привычному маршруту от отменного салат-бара на городской свалке Моттона к чуть менее отменному салат-бару на городской свалке Честерс-Милла, камнем падает вниз и приземляется в каких-то трех футах от бейсболки «Тюленей», принадлежащей мужчине лет шестидесяти. Тот подбирает бейсболку, отряхивает от пыли, надевает на голову.

Он и Дейл смотрят наверх, откуда свалилась чайка, и снова видят нечто непостижимое. Впрочем, непостижимого будет в этот день просто навалом.

6

Прежде всего Барби подумал, что наблюдает некий послеобраз взорвавшегося самолета – так иногда видишь большую синюю плавающую точку, если чья-то фотовспышка срабатывает рядом с твоим лицом. Только он увидел не точку, и не синюю, и она не поплыла, когда Барби посмотрел в другую сторону – в данном случае на нового знакомого. Грязное пятно осталось висеть в воздухе в том самом месте, где и висело, когда Дейл заметил его.

Тюлень посмотрел вверх и потер глаза. Он вроде бы забыл про сломанный нос, раздувшиеся губы и кровоточащий лоб. Встал, чуть не свалился вновь, поскольку слишком уж закидывал голову назад.

– Что это? Что это, черт побери, такое?! – Большое черное пятно – по форме похожее на пламя свечи, если напрячь воображение, пачкало синее небо. – Это… облако? – Сомнение в голосе Тюленя предполагало, что ответ он и так знает: нет.

– Я думаю… – Барби замолчал. Не хотелось ему слышать произнесенные далее слова. – Я думаю, это место, где ударился самолет.

– Что вы говорите? – переспросил Тюлень, но, прежде чем Барби успел ответить, приличных размеров гракл пролетел над ними на высоте пятидесяти футов. Он вроде бы ни обо что не ударился – во всяком случае, они не увидели, обо что

гракл ударился – и упал недалеко от чайки. – Вы это видели?

Барби кивнул, потом указал на полоску горящего сена слева от него. От этой полоски и от двух-трех по правую сторону шоссе поднимались столбы густого дыма, который смешивался с дымом, шедшим от обломков «сенеки», но зона горения особо не расширялась: днем раньше прошел сильный дождь, и сено еще не подсохло. Повезло, иначе травяной пожар быстро распространялся бы в обоих направлениях.

– Вы *это* видели? – спросил Барби Тюленя.

– Ну и дерьмо! – Тюлень окинул долгим взглядом окрестности.

Огонь уже выжег участок земли примерно в шестьдесят квадратных футов и продвигался дальше, пока не поравнялся с тем местом, где Барби стоял напротив Тюленя. Продолжил неспешное распространение – на запад к обочине шоссе, на восток по четырем акрам пастбища, принадлежащим владельцу молочной фермы, – не беспорядочно, как обычно продвигается травяной пожар, когда огонь бросается то в одну сторону, то внезапно в другую, а ровно, будто по линейке.

Еще одна чайка летела к ним, на этот раз направляясь в Моттон, а не к Миллу.

– Осторожно! – Тюлень указал на чайку. – Берегитесь птицы.

– Может, все обойдется. – Барби поднял голову, прикрыл ладонью глаза. – Может, это что-то останавливает их, если только они летят с юга.

– Сомневаюсь я, судя по разбившемуся самолету. – Тюлень говорил тоном человека, пребывающего в глубоком недоумении.

Чайка, летевшая от Милла, ударилась о барьер и рухнула на самый большой обломок горящего самолета.

– Останавливает с обеих сторон. – Тюлень, похоже, только что получил веское подтверждение ранее не доказанного предположения. – Это какое-то силовое поле, как в «Стар трюке».

– *Треке*, – машинально поправил его Барби.

– В чем?

– Черт! – Барби смотрел за спину Тюленя.

– Что? – Тот оглянулся. – Вот дерьмо!

К ним приближался лесовоз. Большой, загруженный выше разрешенного предела гигантскими бревнами. И мчался он, заметно превышая разрешенную скорость. Барби попытался прикинуть, каким должен быть тормозной путь у этого бегемота, но даже представить себе не смог.

Тюлень рванул к «тойоте», припаркованной под углом на прерывистой разделительной линии. Парень, который сидел за рулем лесовоза, может, закинувшийся таблетками, может, обкурившийся, может, просто молодой, куда-то очень спешащий и полагающий себя бессмертным, увидел Тюленя и нажал на клаксон. Не сбавляя скорости.

– Чтоб тебя! – Тюлень прыгнул за руль. Завел двигатель и задним ходом попытался убрать «тойоту» с дороги, даже

не закрыв водительской дверцы. Маленький внедорожник съехал в кювет, задрав квадратный нос к небу. В следующее мгновение Тюлень уже выскочил из кабины. Споткнулся, упал на одно колено, поднялся и побежал в поле.

Барби, думая о самолете, птицах, думая о странном черном пятне, возможно, в месте удара самолета о невидимое препятствие, тоже побежал, только на пастбище, через небольшие, вялые языки пламени, поднимая облачка черного пепла. Увидел кроссовку – слишком большую для женской – с торчащей из нее мужской ногой.

Пилота, подумал он. *Надо мне перестать бегать, как зайцу*.

– Идиот, тормози! – крикнул Тюлень водителю лесовоза тонким, паническим голосом, но с инструкциями припоздинился.

Барби, оглядываясь через плечо (не мог заставить себя удержаться), подумал, что водитель этой громадины в последний момент, возможно, придавил педаль тормоза. Вероятно, увидел обломки самолета. Но разумеется, результата это не дало. Лесовоз врезался в сторону Купола, обращенную к Моттону, на скорости шестьдесят миль в час, а то и больше, при этом вес бревен составлял порядка сорока тысяч фунтов. Кабину при столкновении смяло в лепешку. Груженый прицеп, подчиняясь законам физики, продолжал двигаться вперед. Топливные баки тащило под бревнами, рвало в клочья, металл искрил. Когда баки взорвались,

бревна уже поднялись в воздух, летели над тем, что недавно было кабиной, а теперь превратилось в зеленый металлический аккордеон. Бревна, которые инерция тянула вперед и вверх, ударились о невидимый барьер и разлетелись уже во всех направлениях. К небу густо взметнулся огонь и черный дым. Жуткий грохот прокатился по окрестностям, как громадный валун. Бревна дождем падали на землю со стороны Моттона, приземляясь на шоссе и окружающие поля, словно громадные соломинки. Одно стукнуло по крыше внедорожника, принадлежащего Тюленю, и продавило ее. Ветровое стекло выплеснулось на капот фонтаном осколков. Другое бревно упало перед самим Тюленем.

Барби уже не бежал – только смотрел.

Тюлень отпрянул, упал, уставился на бревно, которое едва не лишило его жизни, поднялся. Постоял, покачиваясь, с округлившимися от ужаса глазами.

Барби направился к нему и через двенадцать шагов наткнулся, как ему показалось, на кирпичную стену. Отшатнулся, почувствовав, как теплая жидкость течет из носа по губам. Смахнул полную ладонь крови, посмотрел на руку, не веря своим глазам, потом вытер ладонь о рубашку.

Теперь автомобили подъезжали с двух направлений, из Моттона и из Честерс-Милла. Три фигурки, пока еще маленькие, бежали по пастбищу от фермерского дома на другом его краю. Несколько водителей жали на клаксоны, словно гудки каким-то образом могли решить все проблемы.

Первый автомобиль, подъехавший из Моттона, свернул на обочину достаточно далеко от горящего лесовоза. Две женщины вылезли из кабины и, прикрыв глаза ладонями, уставились на столбы огня и дыма.

7

– Твою мать, – едва слышно выдохнул Тюлень. Он направлялся к Барби через поле, держась подальше от погребального костра.

Водитель, возможно, перегрузил лесовоз и ехал слишком быстро, подумал Барби, *но по крайней мере похороны он себе устроил, как викинг*.

– Вы видели, куда упало одно бревно? Я чуть не обделался. Оно могло раздавить меня, как жука.

– У вас есть мобильник?! – Барби пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть треск горящего лесовоза.

– В машине. Если хотите, попробую его достать.

– Нет, подождите. – Барби вдруг подумал с облегчением, что все это, возможно, сон, иррациональный сон, в котором езда под водой на велосипеде или разговор о своей сексуальной жизни на незнакомом для тебя языке воспринимаются как само собой разумеющееся.

С его стороны барьера первым подъехал толстячок на старом пикапе «джи-эм-си». Барби мужчину узнал – помнил по «Эглантерии»: Эрни Кэлверт, бывший управляющий «Мира еды», ныне на пенсии. Эрни во все глаза смотрел на пожар на дороге, но при этом держал мобильник в руке и что-то в него наговаривал. Барби мало что слышал из-за треска огня, но смог разобрать: «Похоже, дело серьезное», – и предполо-

жил, что Эрни говорит с полицией. Или с пожарными. Если с пожарными, Барби надеялся, что из Касл-Рока. В маленьком пожарном депо Честерс-Милла стояли две машины, но Барби полагал, что тушить им придется, если они таки приедут, только травяной пожар, который не разгорался, а уже гас сам по себе. Лесовоз горел буквально на расстоянии вытянутой руки, но Барби сомневался, что здешним пожарным удалось бы до него добраться.

Это сон, сказал он себе. *Если на этом настаивать, то сможешь хоть как-то функционировать*.

К двум женщинам со стороны Моттона присоединилось с полдесятка мужчин, тоже прикрывавших глаза ладонями. Автомобили теперь стояли на обеих обочинах. Новые люди подъезжали и присоединялись к толпе. То же самое происходило и на стороне Барби. Создавалось впечатление, что на дороге расположились два конкурирующих блошиных рынка – полные выгодных предложений, – которые разделяла граница. Один со стороны Моттона, второй – Честерс-Милла.

Прибыла троица с фермы – сам фермер и двое его сыновей-подростков. Мальчикам бег дался легко, фермер же покраснел и задыхался.

– Вот дерьмо! – воскликнул старший сын и тут же схлопотал от отца подзатыльник, которого, судя по всему, и не заметил. Глаза его вылезли из орбит. Младший брат протянул ему руку, а когда старший взял ее, начал плакать.

– Что здесь произошло? – спросил фермер Барби, сделав глубокий вдох между *здесь* и *произошло*.

Барби вопрос проигнорировал. Он медленно двинулся к Тюленю, выставив перед собой правую руку. Тюлень, поняв его без слов, ответил тем же. Приближаясь к тому месту, где находился барьер (определить его труда не составляло – там прямой линией обрывалась сгоревшая трава), Барби замедлил шаг. Он уже приложился к барьеру физиономией. Повторения не хотелось.

Внезапно все его тело покрылось гусиной кожей. Мурашки побежали вверх от лодыжек до шеи, и он почувствовал, как на затылке шевелятся и встают дыбом волосы. Яйца зазвенели, как камертон, и на мгновение во рту появился металлический привкус.

В пяти футах от него – в пяти футах, которые постепенно сокращались, – глаза Тюленя, и без того широко раскрытые, раскрылись еще шире.

– Вы тоже почувствовали?

– Да. Но теперь это ушло. А у вас?

– Ушло, – кивнул Тюлень.

Их вытянутые вперед руки не соприкоснулись, и Барби вновь подумал о стеклянной панели: ты прикладываешь к ней руку изнутри, твой приятель – снаружи, пальцы ложатся друг на друга, но касания нет.

Он отвел руку, ту самую, которой вытирал хлынувшую из носа кровь, и увидел повисшие в воздухе красные очертания

своих пальцев. У него на глазах кровь начала собираться в капельки. Совсем как на стекле.

– Святый Боже, что все это значит? – прошептал Тюлень.

Ответа у Барби не было. Прежде чем он успел что-то сказать, Эрни Кэлверт похлопал его по спине.

– Я позвонил копам. Они едут, но в пожарной команде никто не отвечает. Автоответчик предложил мне позвонить в Касл-Рок.

– Так позвоните. – Барби увидел, как очередная птица примерно в двадцати футах от них упала на пастбище и исчезла. Падающая птица подсказала Барби новую идею, порожденную, вероятно, тем периодом времени, когда он ходил с оружием в руках на другом конце света. – Но сначала, думаю, вам нужно позвонить в Национальную гвардию ВВС в Бангоре.

Эрни вытаращился на него:

– В *Гвардию*?

– Только они могут запретить полеты над Честерс-Миллом. И я думаю, сделать это надо незамедлительно.

Уйма дохлых птиц

1

Начальник полиции Милла не слышал ни одного взрыва, хотя и находился на улице: сгребал опавшие листья с лужайки перед своим домом на Морин-стрит. Портативный радиоприемник, который стоял на капоте «хонды» его жены, настроенный на волну ХНВ («Христос наш Владыка», городская молодежь называла эту радиостанцию «Иисусовым радио»), гремел церковной музыкой. Да и слух его стал уже не таким, как прежде. В шестьдесят семь это ж обычное дело.

Но он услышал первую сирену, вой которой прорезал день. Этот звук его уши выхватывали среди всех остальных точно так же, как уши матери выхватывают плач собственных детей. Говард Перкинс мог даже сказать, что это за машина и кто сидит за рулем. Только на Третьем и Четвертом патрульных автомобилях стояли эти старые вопилки, но Джонни Трент уехал на Третьем в Касл-Рок вместе с пожарными, на плановые учения. «Контролируемое возгорание», так они это называли, хотя на самом деле речь шла о забаве для взрослых мужчин. Значит, он слышал сирену Четвертого, одного из двух оставшихся «доджей», и за рулем сидел Генри Моррисон.

Перкинс перестал сгребать листья и застыл, склонив голову. Вой сирены начал затихать, и он продолжил прерванное занятие.

На крыльцо вышла Бренда. Практически все в Милле называли ее мужа Герцогом – прозвище осталось со школьных дней, когда он не пропускал ни одного фильма с Джоном Уэйном, которые показывали в «Звезде». Но Бренда перестала его так называть, едва они поженились, отдав предпочтение другому прозвищу. Оно Перкинсу как раз не нравилось.

– Гови, электричество отключили. И что-то взорвалось.

Гови. Сплошной Гови. Куда ни кинь – только Гови. Он пытался воспринимать это, черт побери, по-христиански, но иногда задавался вопросом: а не это ли прозвище отчасти в ответе за тот маленький приборчик, который он нынче таскал в груди[13].

– Что?

Она закатила глаза, промаршировала к портативному приемнику, выключила его, оборвав на полуслове хор Нормана Любоффа, исполняющего «Друг наш верный Иисус».

– Сколько раз я должна говорить тебе, чтобы ты не ставил эту штуковину на капот моего автомобиля? Поцарапаешь, и придется продавать дешевле.

– Извини, Брен. Так что ты сказала?

---

[13] В 1930-1950 гг. издавались комиксы с придурковатым героем, которого звали Гови.

– Отключили электричество. И что-то грохнуло. Вероятно, поэтому и проехал Джонни Трент.

– Это Генри. Джонни в Роке на пожарных учениях.

– Ну, кто бы это…

Завыла еще одна сирена, на этот раз из новых, про себя Герцог называл их Твити[14]. Голос подал Второй патрульный автомобиль, которым управляла Джекки Уэттингтон. Конечно же, Джекки, потому что Рэндолф остался в лавке и теперь покачивался на своем стуле, положив ноги на стол и читая «Демократа». Или сидел на толчке. Питер Рэндолф был хорошим копом, при необходимости мог показать характер, но Герцог его не любил. Отчасти потому, что тот верой и правдой служил Джиму Ренни, отчасти потому, что иной раз проявлял излишнюю жесткость, но прежде всего потому, что был ленивым, а Герцог Перкинс не выносил ленивых копов.

Бренда смотрела на мужа большими глазами. Не один десяток лет она прожила женой полицейского и знала, что два взрыва, две полицейские сирены и отключение централизованной подачи электроэнергии в сумме не сулят ничего хорошего. Поэтому очень удивилась бы, если б в этот день с лужайки у дома Гови сгреб все опавшие листья или ему удалось послушать репортаж футбольного матча, в котором его любимые «Дикие коты», объединенная команда старших школ Честерс-Милла и Таркерс-Миллса, в пух и прах разнесли бы Касл-Рок.

---

[14] Твити – желтый кенарь, популярный персонаж американских мультсериалов.

– Тебе лучше собираться, – сказала она. – Что-то случилось. Я только надеюсь, что никто не умер.

Перкинс снял с ремня мобильник. Чертова хреновина висела там, как пиявка, с утра до вечера, но он не мог не признать, что вещь удобная. Номер набирать не стал, только смотрел на мобильник, ожидая, что тот зазвонит.

Но тут подал голос еще один Твити: Первого патрульного автомобиля. Рэндолф выкатился из полицейского участка. И сие означало, что дело действительно серьезное. Герцог более не думал, что мобильник зазвонит, и уже собрался прицепить его к ремню, когда раздался сигнал. Стейси Моггин.

– Стейси! – Перкинс знал, что нет никакой необходимости орать в эту хреновину, Бренда говорила ему об этом сто раз, но он, похоже, ничего не мог с собой поделать. – Что ты делаешь в участке субботним ут…

– Я не в участке, а дома. Питер позвонил и попросил передать, что едет на Сто девятнадцатое и дела там плохие. Он сказал… самолет столкнулся с лесовозом. – В голосе Стейси звучало сомнение. – Я не знаю, как такое может быть, но…

Самолет. Господи. За пять минут до этого, может, чуть больше, когда он сгребал листья и пел вместе с хором: «Как велик Ты…»

– Стейси, это Чак Томпсон? Я видел, как его новый «пайпер» пролетел мимо. Довольно низко.

– Не знаю, чиф, я сказала вам все, что услышала от Питера.

Бренда – не дурочка – уже отгоняла свою машину, освобождая подъездную дорожку для травянисто-зеленого патрульного автомобиля чифа. Портативный приемник она поставила рядом с кучкой опавших листьев.

– Понятно, Стейси. В твоей части города света тоже нет?

– Нет, и телефон не работает. Я звоню по мобильнику. Вероятно, все очень плохо, да?

– Надеюсь, что нет. Ты сможешь приехать и прикрыть нас? Готов спорить, в участке все двери нараспашку и ничего не заперто.

– Буду в пять секунд. Найдете меня в диспетчерской.

– Все понял.

Когда Бренда возвращалась по подъездной дорожке, завыла городская сирена, и от этих завываний, то набирающих силу, то, наоборот, чуть ли не сходящих на нет, Герцогу Перкинсу всегда скручивало живот. Следовало спешить. Однако он нашел время, чтобы обнять Бренду. И она до конца своих дней помнила о том, что он нашел для этого время.

– Не волнуйся, Бренни. Сирена включается автоматически, если прекращается централизованная подача электроэнергии. Она смолкнет через три минуты. Или через четыре. Забыл через сколько.

– Я знаю, но все равно ненавижу эти завывания. Идиот Энди Сандерс включил сирену одиннадцатого сентября, помнишь? Как будто очередной самолет-самоубийцу направили на нас.

Герцог кивнул. Он тоже считал Энди Сандерса идиотом. К сожалению, тот был еще и первым членом городского управления, веселеньким тупицей Мортимером Снердом[15], сидевшим на коленях Большого Джима Ренни.

– Дорогая, я должен ехать.

– Понимаю. – Она пошла следом за ним к автомобилю. – Что случилось? Ты уже знаешь?

– Стейси сказала, что грузовик и самолет столкнулись на Сто девятнадцатом.

Бренда робко улыбнулась:

– Это шутка, да?

– Нет, если у самолета отказал двигатель и пилот попытался приземлиться на шоссе.

Улыбка Бренды исчезла, правая рука со сжатыми в кулак пальцами поднялась к груди. Этот язык тела он знал очень хорошо. Сел за руль, и, хотя ездил чиф на относительно новом автомобиле, водительское кресло сильно продавилось под его тяжестью. Герцог Перкинс никогда не ходил в легковесах.

– В твой выходной день! – воскликнула Бренда. – Это просто безобразие! И это когда ты мог выйти в отставку с полной пенсией!

– Меня вынесут вперед ногами. – Он широко улыбнулся. Улыбка эта была частью работы. По всему выходило, что де-

---

[15] Мортимер Снерд – персонаж известного американского чревовещателя Эдгара Джона Бергена (1903–1978).

нек выдастся длинным. – Такой уж я человек, Господи, такой уж я человек. Оставь мне в холодильнике сандвич или два, хорошо?

– Только один. Ты очень уж толстеешь. Даже доктор Хаскел так говорит, а он никогда никого не критикует.

– Ладно, один. – Он включил заднюю передачу… потом вернул ручку переключения на парковку. Выглянул из окна, и Бренда поняла, что он ждет поцелуя. Она подарила ему хороший поцелуй, под вой городской сирены, разрывавший свежий октябрьский воздух, а он гладил ей шею, пока их рты не отрывались друг от друга. От подобного поглаживания кожа у нее всегда покрывалась мурашками, и он давно уже такого не делал.

Этого прикосновения под ярким солнечным светом Бренда тоже не забыла до конца своих дней.

Когда он уже скатывался по подъездной дорожке, она что-то крикнула ему вслед. Пару слов Герцог разобрал, но и только. Ему действительно следовало проверить уши. При необходимости подобрать слуховой аппарат. Хотя, вероятно, только этого маленького штриха и недоставало для того, чтобы Рэндолф и Большой Джим дали крепкого пинка его стареющему заду.

Герцог затормозил, вновь выглянул из окна.

– Осторожнее с чем? – переспросил он.

– С *кардиостимулятором*! – буквально выкрикнула она. Смеясь. Тревожась. Все еще чувствуя его руку на своей шее,

поглаживающую кожу, которая только вчера – или ей это лишь казалось – была гладкой и упругой. А может, позавчера, когда они слушали «Кей-си энд саншайн бэнд» вместо Иисусова радио.

– Все будет в порядке! – крикнул он в ответ и уехал.

В следующий раз Бренда увидела его уже мертвым.

2

Билли и Ванда Дебик и не слышали двойного взрыва, потому что находились на шоссе номер 117 и потому что ссорились. Началось все с пустяка: Ванда отметила, что день выдался прекрасный, а Билли ответил, что у него болит голова и он не понимает, почему они вообще должны ехать на субботний блошиный рынок в Оксфорд-Хиллс, где продается никому не нужная рухлядь.

Ванда указала, что голова у него не болела бы, не выпей он вечером дюжину банок пива.

Билл спросил: сосчитала ли она банки в мусорном баке (как бы ни набирался Билли, пил только дома и всегда бросал пустые банки в бак: этим он гордился, как и своей работой электрика)?

Она ответила, что да, считала, Билл может в этом не сомневаться.

Они добрались до «Пательс-маркет» в Касл-Роке, пройдя путь от *Ты слишком много пьешь, Билли,* и *Ты слишком уж меня достаешь, Ванда,* до *Говорила мне мама, не надо выходить за тебя замуж* и *Тебе обязательно надо быть такой сукой?* За последние два года из их четырехлетней семейной жизни путь этот они проходили не раз и не два, но тут Билли внезапно почувствовал, что с него хватит. Он свернул на широкую заасфальтированную автомобильную стоянку у мага-

зина, не включив поворотник и не снижая скорости, а потом вновь выехал на шоссе номер 117 и покатил в обратную сторону, не посмотрев в зеркало заднего обзора и не обернувшись.

Нора Робишо, которая оказалась на шоссе позади него, нажала на клаксон. Ее лучшая подруга Эльза Эндрюс недовольно поцокала. Обе женщины, ушедшие на пенсию медсестры, переглянулись, но не проронили ни слова. Они дружили так долго, что в подобных ситуациях в словах не нуждались.

Тем временем Ванда спросила Билли: куда это он едет?

Билли ответил, что домой, чтобы вздремнуть часок-другой, а она может отправляться на этот говенный рынок одна.

Ванда указала, что он едва не столкнулся с двумя старушками (расстояние до вышеозначенных старушек быстро увеличивалось с каждым мгновением: Нора Робишо без всякой на то причины считала, что быстрее сорока миль в час ездят только слуги дьявола).

Билли ответил, что Ванда говорит и выглядит как ее мамаша.

Ванда попросила разъяснить, что он под этим подразумевал.

Билли разъяснил: у дочери, как и у матери, толстая жопа и язык, который работает без умолку.

Ванда назвала Билли алкашом.

Билли заверил Ванду, что она уродина.

В выражениях оба не стеснялись, говорили от души. К тому времени, когда они покинули Касл-Рок и въехали в Моттон, направляясь к невидимому барьеру, возникшему вскоре после того, как Ванда открыла дискуссию упоминанием о прекрасном дне, Билли проезжал в час уже много больше шестидесяти миль. Он разогнался практически до максимальной скорости, которую могла развить вандинская старая таратайка «шеви».

– Что это за дым? – вдруг спросила Ванда, указав на северо-восток, в сторону 119-го.

– Не знаю. Думаешь, моя теща пернула? – И Билли загототал, довольный собственной шуткой.

Ванда Дибек осознала, что и с нее довольно. Она повернулась к мужу, и слова *Я хочу развестись с тобой* уже готовились слететь с ее языка, когда они достигли границы Честерс-Милла и Моттона и врезались в барьер. Таратайку «шеви» конструкторы снабдили подушками безопасности, но Биллова не раскрылась вовсе, а Вандина раскрылась не полностью. Рулевое колесо разломилось от удара о грудь Билла, рулевая колонка раздавила ему сердце; он умер мгновенно.

Ванда ударилась головой о приборный щиток, неожиданное катастрофическое смещение двигателя «шеви» сломало ей ногу (левую) и руку (правую). Боли она не почувствовала, только непрерывно ревел клаксон, автомобиль развернуло поперек шоссе, переднюю часть смяло гармошкой, а ви-

дела все это Ванда сквозь красную пелену.

Когда Нора Робишо и Эльза Эндрюс миновали последний поворот перед административной границей Честерс-Милла (они уже несколько минут оживленно обсуждали, что это за дым поднимался на северо-востоке, и поздравляли себя с тем, что выбрали для поездки менее загруженное шоссе), Ванда Дибек пыталась подняться, отталкиваясь локтями от белой разделительной полосы. Кровь лилась по лицу, практически полностью смазывая его черты. Большой осколок ветрового стекла срезал с нее половину скальпа, и теперь громадный клок кожи падал на ее левую щеку, как смещенная челюсть.

Нора и Эльза мрачно переглянулись.

– Гребаный случай! – вырвалось у Норы, и на том разговор прекратился.

Эльза выпрыгнула из салона сразу, как автомобиль остановился, и побежала к шатающейся женщине. Для пожилой дамы (Эльзе пошел восьмой десяток) бегала она на удивление быстро.

Нора оставила автомобиль на нейтральной передаче и присоединилась к подруге. Вдвоем поддерживая Ванду, они повели ее к старенькому, но работающему как часы «мерседесу». Куртка Ванды из коричневой стала мутно-бурой, а руки выглядели так, будто она опустила их в чан с красной краской.

– Хте Билли? – спросила Ванда, и Нора увидела, что бед-

ная женщина лишилась большинства зубов. Три из них зацепились за окровавленную куртку. – Хте Билли, он фылес? Сто слюшилось?

– У Билли все прекрасно, как и у вас, – ответила Нора и вопросительно посмотрела на Эльзу.

Та кивнула и поспешила к «шеви», окутанному паром, который вырывался из пробитого радиатора. Эльзе, почти сорок лет проработавшей медсестрой (последний работодатель – Рон Хаскел, ДМ, и ДМ означало дуфус[16] медицины), хватило одного взгляда через распахнутую пассажирскую дверцу, висевшую на одной петле, чтобы понять: у Билли далеко не все прекрасно, и молодая женщина, половина волос которой болталась рядом с ее головой, уже вдова.

Эльза вернулась к «мерседесу» и села на заднее сиденье рядом с Вандой, которая погрузилась в полубессознательное состояние.

– Он мертв, и она тоже умрет, если ты быстро-быстро не доставишь нас в «Кэтрин Рассел», – сказала она Норе.

– Тогда держись крепче. – Нора надавила на педаль газа.

Двигатель у «мерседеса» был мощный, и автомобиль буквально прыгнул вперед. Нора аккуратно объехала «шевроле» Дибеков и врезалась в невидимый барьер, продолжая разгоняться. Впервые за двадцать лет Нора не пристегнулась ремнем безопасности и вылетела через лобовое стекло, где сломала шею о невидимый барьер, точно так же, как ее сломал

[16] Doofus – глупый, некомпетентный человек (*англ.*).

Боб Ру, и свалилась на землю. Ванду бросило в зазор между спинками передних сидений. Через разбитое ветровое стекло ее вынесло на капот. Там она и осталась лежать лицом вниз, раскинув окровавленные босые ноги. Туфли из мягкой кожи (купленные при последнем посещении блошиного рынка в Оксфорд-Хиллсе) соскочили с них еще при первой аварии.

Эльза Эндрюс ударилась о спинку водительского сиденья, и ее отбросило назад, оглушенную, но обошедшуюся без серьезных травм. Дверцу вроде бы заклинило, но она все-таки открылась, когда Эльза надавила на нее плечом. Старушка вылезла и оглядела место аварии. Лужи крови, сплющенная таратайка «шеви», над которой еще вился парок.

– Что случилось? – спросила она. Повторила вопрос Ванды, хотя вопроса этого не помнила. Постояла среди окровавленных осколков стекла и искореженного хромированного железа, потом поднесла левую руку ко лбу, будто решив проверить, нет ли у нее температуры. – Что случилось? Что сейчас случилось? Нора? Нора, солнышко? Где ты, дорогая?

Потом увидела свою подругу и закричала от горя и ужаса. Ворона, наблюдавшая за происходящим с высокой сосны на стороне Милла, громко каркнула, и в звуке этом слышался пренебрежительный смешок.

Ноги Эльзы стали ватными. Она пятилась, пока не уперлась задом в смятое крыло «мерседеса».

– Нора, солнышко, – повторила Эльза. – Ох, милая…

Что-то коснулось ее шеи. Точно она сказать не могла, но подумала, что это прядь волос раненой молодой женщины. Только теперь, конечно, она стала мертвой молодой женщиной.

Как и бедная добрая Нора, с которой Эльза тайком пропускала по глотку джина или водки в прачечной «Кэтрин Рассел», и они хихикали, как девчонки в летнем лагере. Открытые глаза Норы смотрели в яркое полуденное солнце, голова повернулась под неестественным углом, словно она умерла, стараясь при этом заглянуть за спину и убедиться, что с Эльзой все в порядке.

Эльза, с которой действительно все было в порядке – «это всего лишь шок», как она когда-то говорила некоторым счастливчикам, привезенным «скорой», – заплакала. Соскользнула по борту автомобиля, порвав пальто о торчащий металлический шип, и села на асфальт шоссе номер 117.

Она все еще сидела и плакала, когда на нее набрели Барби и его новый друг в бейсболке «Тюленей».

3

Тюленем оказался Пол Гендрон, продавец автомобилей из северной части штата, двумя годами ранее отошедший от дел и вернувшийся на ферму своих умерших родителей в Моттон. Барби узнал о Гендроне и это, и многое другое в промежутке между уходом с места аварии на шоссе номер 119 и прибытием на место другой аварии, не такой масштабной, но тоже ужасной, на шоссе номер 117, случившейся там, где дорога пересекала границу Милла. Барби с удовольствием пожал бы Гендрону руку, но с этим приходилось повременить: пока мешал невидимый барьер, края которого найти им еще не удалось.

Эрни Кэлверт связался с Национальной гвардией ВВС в Бангоре, но его звонок поставили на удержание, прежде чем он успел произнести хоть слово. Тем временем нарастающий вой сирен сообщил о скором прибытии местных слуг закона.

– Только не ждите пожарных, – подал голос фермер, который прибежал через поле с сыновьями. Звали его Олден Динсмор. – Они в Касл-Роке, сжигают дом на учениях. Могли бы попрактиковаться и здесь. – Тут он увидел, что его младший сын приближается к тому месту, где кровавый отпечаток ладони Барби вроде бы высыхал на пронизанном солнцем воздухе. – Рори, отойди оттуда!

Но Рори, снедаемый любопытством, слова отца проигно-

рировал. Протянул руку и ударил по воздуху справа от отпечатка ладони Барби. Но прежде чем он ударил, Барби заметил мурашки, которые побежали по рукам мальчика ниже обтрепанных рукавов свитера «Диких котов». Что-то там такое было, и это что-то включалось при приближении человека. Похожие ощущения Барби однажды испытал в Эйвоне, во Флориде, когда в поисках укромного местечка увлек девушку к мощному электрогенератору.

Звук от удара кулака мальчика по невидимому барьеру напоминал постукивание костяшек пальцев по боковой стороне кастрюльки из жаропрочного стекла типа пирекса. Он заглушил гул разговоров маленькой толпы, собравшейся по ту сторону барьера. Люди смотрели на горящие остатки лесовоза (некоторые фотографировали пожар на мобильники).

– Чтоб мне сдохнуть! – воскликнул кто-то.

Олден Динсмор оттащил сына за обтрепанный воротник свитера, а потом дал подзатыльник, как совсем недавно – старшему сыну.

– Не делай этого! – кричал Динсмор, тряся мальчишку. – Никогда такого не делай, если ты не знаешь, что это!

– Пап, это как стеклянная стена! Это…

Динсмор тряхнул его вновь. Фермер все еще тяжело дышал, и Барби обеспокоился, не хватит ли его инфаркт.

– Никогда такого не делай! – повторил Динсмор и подтолкнул мальчишку к его старшему брату. – Приглядывай за этим дураком, Олли.

– Дассэр! – Олли самодовольно ухмыльнулся, глядя на брата.

Барби посмотрел в сторону Милла. Он увидел приближающиеся мигалки патрульных машин, но впереди, словно сопровождаемая копами особо важная персона, ехал объемный черный автомобиль, смахивающий на гроб: «хаммер» Большого Джима Ренни. От его вида синяки и шишки на теле Барби, уже заживающие после ночной драки на парковке у «Дипперса», сочувственно запульсировали.

Ренни-старшего в той драке, разумеется, не было, но его сын являлся главным зачинщиком, и Большой Джим заботился о Младшем. И ради этого отцу пришлось максимально усложнить жизнь некоему странствующему повару блюд быстрого приготовления – так усложнить, что вышеуказанный повар решил собрать вещички и покинуть город.

Барби не хотел сталкиваться здесь с Большим Джимом, тем более его сопровождали копы. Чиф Перкинс отнесся к нему по-человечески, но его заместитель – Рэндолф – воспринимал Дейла Барбару куском собачьего дерьма, налипшим на выходную обувь.

Барби повернулся к Тюленю:

– Не желаете прогуляться? Вы по своей стороне, я по своей? Посмотрим, как далеко это тянется?

– И уйти до того, как прибудет этот пустозвон? – Гендрон тоже видел приближающийся «хаммер». – Друг мой, с удовольствием. На восток или запад?

4

Они пошли на запад, к шоссе номер 117, и не нашли конца барьера, зато увидели множество результатов его появления. Стволы деревьев, разрубленные пополам. Повсюду валявшиеся тушки в перьях.

– Уйма дохлых птиц. – Гендрон дрожащими руками поправил бейсболку. – Никогда не видел так много.

– Ты в порядке? – спросил Барби.

– Физически? Думаю, что да. Умственно… такое ощущение, что крыша съехала полностью. А ты?

– Та же история.

В двух милях к западу от 119-го они вышли на Год-Крикроуд и к Бобу Ру, застывшему около все еще работающего трактора. Барби инстинктивно шагнул к лежащему на земле человеку и снова стукнулся о барьер… правда, на этот раз в самую последнюю секунду вспомнил о его существовании и не разбил в кровь нос.

Гендрон опустился на колени. Прикоснулся к гротескно задранной голове фермера.

– Мертв.

– А что валяется вокруг него? Эти белые обломки?

Гендрон поднял самый большой.

– Думаю, какая-то компьютерная штуковина для проигрывания музыки. Должно быть, развалилась, когда он уда-

рился о… – Гендрон указал на невидимую преграду перед собой. – Ты знаешь обо что.

Со стороны города вновь донесся вой, более громкий и грубый в сравнении с городской сиреной.

Гендрон бросил в том направлении короткий взгляд.

– Пожарная сирена. Пользы от нее – вагон.

– Пожарные машины возвращаются из Касл-Рока, – объявил Барби. – Я их слышу.

– Да? Значит, слух у тебя лучше моего. Скажи мне еще раз свое имя.

– Дейл Барбара. Для друзей – просто Барби.

– И что теперь, Барби?

– Пойдем дальше. Для этого парня мы ничего сделать не сможем.

– Не сможем даже никому о нем сказать, – мрачно заметил Гендрон. – Мой мобильник остался в машине. Полагаю, у тебя его нет?

Мобильник у Барби был, но он оставил его в уже покинутой квартире, вместе с носками, рубашками, джинсами и нижним бельем. Ушел лишь в одежде, которая была на нем, потому что не захотел ничего уносить из Честерс-Милла, за исключением нескольких приятных воспоминаний, для которых не требовался ни чемодан, ни рюкзак.

Но едва ли у него получилось бы быстро и доходчиво объяснить все это незнакомцу. Поэтому Барби лишь покачал головой.

На сиденье «дира» лежало старое одеяло. Гендрон заглушил двигатель трактора, взял одеяло и накрыл им тело.

– Надеюсь, когда это случилось, он слушал что-то приятное.

– Да, – вздохнул Барби.

– Пошли. Попытаемся дойти до конца этой хреновины. Я хочу пожать тебе руку. Может, даже расплакаться и обнять тебя.

5

Вскоре после того, как они обнаружили тело Ру – они находились уже совсем близко от места аварии на шоссе номер 117, хотя и не знали этого, – Барби и Гендрон вышли к ручейку. Оба застыли, по разные стороны барьера, в изумлении глядя на происходящее.

– Господи Иисусе! – наконец вырвалось у Гендрона.

– И как это выглядит с твоей стороны? – Барби со своей стороны наблюдал, как вода поднималась и выливалась в кусты, словно ручей перегородила невидимая плотина.

– Не знаю, как описать. Никогда не видел ничего подобного. – Гендрон помолчал, почесывая обе щеки и оттягивая вниз и без того длинное лицо, отчего стал похож на кричащего человека с картины Эдварда Мунка. – Нет, видел. Один раз. Что-то похожее. Когда принес домой пару золотых рыбок на день рождения дочери. Ей тогда исполнилось шесть лет. А может, семь. Я принес их домой из зоомагазина в пластиковом мешке, и вот так это выглядит – как вода на дне пластикового мешка. Только плоская, а не провисающая. Вода поднимается по этой… хреновине, а потом растекается вправо-влево на твоей стороне.

– К тебе ничего не попадает?

Гендрон встал на четвереньки, сощурился.

– Да, что-то попадает. Не очень много, маленькая струйка.

Но ничего из того дерьма, что вода тащит с собой. Палки, листья, все такое, ну ты понимаешь.

Они пошли дальше, Гендрон по своей стороне, Барби по своей. Но ни один из них не думал, что кто-то внутри, а кто-то снаружи. Мысли о том, что барьер может не закончиться, ни у кого не возникало.

6

Потом они вышли на шоссе номер 117, где произошла еще одна серьезная авария – два разбитых автомобиля и как минимум два трупа, которые Барби увидел сразу. Подумал, что есть и еще один – за рулем старого «шевроле», передняя часть которого превратилась в лепешку.

Но на этот раз они нашли и выжившего. Рядом с врезавшимся в барьер «мерседесом» на асфальте сидела женщина с опущенной головой. Пол Гендрон поспешил к ней, тогда как Барби мог только стоять и наблюдать. Женщина увидела Гендрона и попыталась подняться.

– Нет, мэм, пожалуйста, сидите, не надо вам вставать, – попытался остановить ее Гендрон.

– Думаю, я в порядке. Просто… вы понимаете, в шоке. – По какой-то причине эти слова вызвали у женщины смех, хотя лицо опухло от слез.

В этот момент из-за поворота появился еще один автомобиль, за рулем которого сидел никуда не спешащий старик. Он возглавлял колонну из трех или четырех автомобилей, которым, безусловно, не терпелось его обогнать. Старик увидел аварию и остановился. Едущие следом автомобили последовали его примеру.

Эльза Эндрюс уже поднялась и в достаточной степени пришла в себя, чтобы задать вопрос дня:

– Во что мы врезались? Точно не в другой автомобиль. Нора его объехала.

– Не знаю, мэм, – абсолютно честно ответил ей Гендрон.

– Спроси, есть ли у нее мобильник, – предложил ему Барби. Потом обратился к собирающейся толпе: – Эй! У кого есть мобильник?

– У меня есть, мистер, – ответила какая-то женщина, но, прежде чем успела сказать что-то еще, все услышали приближающееся стрекотание лопастей: к ним летел вертолет.

Барби и Гендрон в ужасе переглянулись.

Сине-белый вертолет летел низко, направляясь к столбу дыма, отмечающего место крушения лесовоза на шоссе номер 119. В идеально чистом воздухе, возможно, даже обладающем увеличивающим эффектом, какой возникает в северной части Новой Англии в особо тихие дни, Барби без труда разглядел на борту большие рисунки: число «13» и глаз – логотип компании Си-би-эс. Вертолет службы новостей, из Портленда. Вероятно, находился неподалеку, подумал Барби. Погода идеальная, и можно получить роскошные кадры аварии для шестичасового выпуска новостей.

– Нет, – застонал Гендрон, прикрывая ладонью глаза. Потом закричал: – Назад, идиоты! Назад!

К нему тут же присоединился Барби:

– Нет! Остановитесь! Назад!

Разумеется, их криков никто не услышал. И никто не увидел, как они машут руками, показывая, что близко подлетать

нельзя.

Эльза в недоумении переводила взгляд с Гендрона на Барби.

Вертолет опустился до вершин деревьев и завис.

– Думаю, все будет хорошо. – Гендрон глубоко вдохнул. – Наверное, люди и там показывают ему, чтобы он дал задний ход. Пилот это видит и…

Но тут вертолет полетел на север, с тем чтобы зависнуть над пастбищем Олдена Динсмора и снять аварию с другого ракурса. И ударился о барьер.

Барби увидел, как отлетела одна из лопастей. Вертолет ушел в сторону, вниз и перевернулся одновременно. А потом взорвался, осыпая новым огнем шоссе и поля на другой стороне барьера.

На стороне Гендрона.

Снаружи.

7

Ренни-младший как вор прокрался в дом, где вырос. Или как призрак. Дом, разумеется, пустовал: отец находился на огромной территории салона подержанных автомобилей, расположенного у шоссе номер 119, – Френк, друг Младшего, иногда называл этот салон Святой обителью «Без первого взноса», – а Франсина Ренни последние четыре года беспрерывно тусовалась на кладбище «Плизант-ридж». Городская сирена перестала выть, полицейские смолкли где-то на юге. В доме царила благостная тишина.

Он принял две капсулы имитрекса, потом разделся и встал под душ. Когда вышел из ванной, увидел кровь на рубашке и брюках. Сейчас он этим заниматься не мог. Ногами затолкал одежду под кровать, затянул шторы, улегся в постель, накрылся с головой, как в детстве, если боялся сидящих в шкафу монстров. Лежал, дрожа всем телом, в голове били все колокола ада.

Он уже задремал, когда взвыла пожарная сирена и разбудила его. Его вновь начало трясти, но голова болела меньше. Он подумал, что немного поспит, а потом будет решать, как поступить. Скорее всего он покончит с собой. Потому что его обязательно поймают. Он даже не мог вернуться и зачистить все следы. Не успеет до возвращения Генри и Ладонны Маккейн. Он мог бы сбежать – возможно, – но лишь после

того, как перестала бы болеть голова. И разумеется, ему следовало сначала одеться. Не мог он начинать жизнь беглеца голым.

Но самоубийство представлялось наилучшим вариантом. Разве что тогда этот гребаный недобитый повар окажется победителем. А если смотреть в корень, то виноват во всем как раз этот гребаный повар.

В какой-то момент пожарная сирена заткнулась. Младший заснул, укрывшись с головой. Когда проснулся, часы показывали девять вечера. Голова не болела.

И дом по-прежнему пустовал.

Полная мутня

1

Скрипя тормозами, остановил свой «Альфа-Хаммер-Эйч-3» (цвет «черный жемчуг», дополнительные опции – полный фарш) Большой Джим Ренни. Он опередил городских копов на целых три минуты, и такой расклад ему очень даже нравился. Девиз Ренни гласил: всегда опережай конкурентов.

Эрни Кэлверт все еще говорил по телефону, но вскинул руку, приветствуя Ренни. Волосы его растрепались, он был таким взвинченным, будто обезумел.

– Привет, Большой Джим, я до них дозвонился!

– Дозвонился до кого? – рассеянно спросил Ренни, оглядывая все еще горящий лесовоз и обломки вроде бы самолета. Неприятная история, возможно, грязное пятно на репутации города, с учетом того, что две новенькие пожарные машины отправились в Рок. Учения, участие в которых он одобрил… но на бланке разрешения на выезд стояла подпись Энди Сандерса, потому что тот занимал пост первого члена городского управления. И хорошо, что занимал. Ренни свято верил в фактор защищенности – так он это называл. И пост второго члена городского управления служил хорошим при-

мером использования данного фактора: вся власть принадлежит тебе (во всяком случае, если Первый – такой кретин, как Сандерс), а ответственность, если что-то идет не так, ложится на другого.

То, что происходило сейчас, Ренни – в шестнадцать лет он отдал сердце Иисусу и с тех пор вычеркнул из лексикона все грубые слова – называл «полной мутней». Следовало принимать меры. Брать ситуацию под контроль. А рассчитывать, что старый козел Говард Перкинс справится с этой работой, он не мог. Лет двадцать назад Перкинс, возможно, и был идеальным начальником полиции, но они жили уже в новом веке.

Оглядывая место катастрофы, Ренни хмурился все сильнее. Слишком много зрителей. Впрочем, в таких случаях их всегда оказывалось слишком много: люди обожали кровь и разрушение. И некоторые вроде бы играли в какую-то странную игру: проверяли, как далеко они смогут наклониться или что-то в этом роде.

Действительно странно.

– Эй вы, отойдите подальше! – прокричал он. Голос его, громкий и уверенный, идеально подходил для того, чтобы отдавать приказы. – Это место аварии.

Эрни Кэлверт – еще один идиот, город ими битком набит, впрочем, Ренни полагал, что аналогичная ситуация в любом городе, – еще более взвинченный, дернул его за рукав.

– Я связался с Эн-гэ, Большой Джим, и…

– С кем? С *чем*? О чем ты говоришь?

– С Национальной гвардией ВВС!

Все мутнее и мутнее. Люди, играющие в игры, и этот идиот, позвонивший…

– Эрни, ради Бога, зачем ты им позвонил?

– Потому что он сказал… этот парень сказал… – Эрни не смог вспомнить, что именно сказал Барби, поэтому двинулся дальше: – В любом случае полковник в Национальной гвардии выслушал, что я ему говорю, а потом соединил меня с портлендским отделением Министерства национальной безопасности. Соединил напрямую!

Ренни хлопнул ладонями по щекам – поступал так практически всегда, если сердился, становясь похожим на сурового Джека Бенни[17]. Как и Бенни, Большой Джим время от времени шутил (но без грязных слов). Он шутил и потому, что продавал автомобили, и потому, что знал: политикам положено шутить, особенно с приближением выборов. Небольшой стандартный набор шуток, которые он называл приколами («Ну что, парни, хотите услышать прикол?»), всегда был при нем. Он запоминал их, как турист, отправляющийся в страну, где говорят на другом языке, запоминает фразы вроде: *Где туалет?* или *Есть в этом городе отель с Интернетом?*

Но сейчас он совсем не шутил.

– Министерство национальной безопасности! Зачем, ёха-

[17] Джек Бенни (1894–1974) – известный американский комик.

ный бабай? – Любил он использовать такие выраженьица.

– Потому что этот молодой парень говорил о чем-то, перекрывшем дорогу. И так оно и есть, Джим! Что-то такое, чего нельзя увидеть! Люди могут до этого дотронуться! Смотри! Это они сейчас и делают. Или… если ты бросишь в это камень, он отлетает! Вот так! – Эрни поднял камень. Ренни не удосужился проследить за его полетом; он полагал, что камень попадет в кого-то из зевак, а тот, само собой, закричит от боли. – Лесовоз ударился в… ударился в это, уж не знаю что… и самолет тоже! И этот парень сказал мне…

– Помедленнее. О каком парне ты говоришь?

– Он – молодой парень, – вступил в разговор Рори Динсмор. – Готовит в «Эглантерии». Если попросить гамбургер средней прожаренности, он это сделает. Мой папа говорит, что таких гамбургеров теперь не найти, потому что готовить их никто не умеет, а этот парень умеет. – Мальчишка обаятельно улыбнулся. – Я знаю его фамилию.

– Заткнись, Рор! – прикрикнул на него старший брат.

Лицо мистера Ренни потемнело. По мнению Олли Динсмора, именно так выглядели учителя, прежде чем сказать, что на неделю оставляют тебя в школе после занятий.

Рори, однако, словам брата не внял.

– Она как девчачье имя. *Ба-а-арбара*.

И когда я уже уверен, что больше никогда его не увижу, этот ёханый бабай появляется вновь, подумал Ренни. *Этот паршивый, никчемный тип*.

Он повернулся к Эрни Кэлверту. Копы уже подъезжали, но Ренни полагал, что у него есть время для того, чтобы остановить это спровоцированное Барбарой безумие. Он не ожидал увидеть здесь Барбару. Конечно же, не ожидал. Но это так похоже на Барбару – заварить кашу, погнать волну и смыться.

– Эрни, тебя неправильно информировали.

Тут вперед выступил Олден Динсмор:

– Мистер Ренни, я не понимаю, как вы можете так говорить, если даже не знаете, о какой информации идет речь.

Ренни ему улыбнулся. Во всяком случае, растянул губы.

– Я знаю Дейла Барбару, Олден. О нем у меня информации предостаточно. – Он вновь повернулся к Эрни Кэлверту: – А теперь я хочу, чтобы ты…

– Ш-ш-ш. – Кэлверт поднял руку. – Меня с кем-то соединили.

Большой Джим Ренни не любил, когда на него кто-то шикал, тем более вышедший на пенсию управляющий магазина. Он вырвал мобильник из руки Эрни, будто тот был его помощником, который принес телефон боссу.

– С кем я говорю? – послышалось из динамика. Этих коротких слов Ренни хватило, чтобы понять, что произнес их чинуша-бюрократ. Господь знал: за три десятилетия работы городским чиновником он частенько контактировал с бюрократами, и самые худшие из них – это федералы.

– С Джеймсом Ренни, вторым членом городского управ-

ления Честерс-Милла, сэр. Кто вы, сэр?

– Дональд Возняк, Министерство национальной безопасности. Как я понимаю, у вас некая проблема на Сто девятнадцатом шоссе. Что-то связанное с каким-то препятствием.

Препятствием? Что это за федеральный бред?

– Вас неправильно проинформировали, сэр. У нас тут самолет… гражданский самолет, местный самолет… пытался приземлиться на дорогу и столкнулся с грузовиком. Ситуация полностью под контролем. Нам не требуется помощь Министерства национальной безопасности.

– Мистер Ренни, – подал голос фермер, – все произошло не так.

Большой Джим отмахнулся от него и направился к Первому патрульному автомобилю. Из него уже вылезал Хэнк Моррисон. Здоровенный, ростом в шесть футов и пять дюймов, но совершенно бестолковый. Следом подъехала девица с большими буферами – Уэттингтон, такая у нее была фамилия, – еще хуже, чем бестолковая, с бойким языком, который управлялся тупой головой. Но на дороге уже появился патрульный автомобиль Питера Рэндолфа, заместителя чифа, человека, на которого Ренни всегда мог положиться. Вот кто мог справиться с порученным делом. Если бы Рэндолф дежурил в тот вечер, когда Младший влип в историю на автостоянке у придорожного ресторана, мистер Дейл Барбара вряд ли сегодня мутил бы воду в городе. Нет, мистер Барбара сидел бы за решеткой в Роке. И Ренни это очень бы устроило.

Тем временем человек из Министерства национальной безопасности – и еще называют себя агентами? – продолжал что-то бубнить.

Ренни его оборвал.

– Спасибо, что вас заинтересовали наши дела, мистер Вознер, но мы справимся сами. – Не попрощавшись, он нажал кнопку с красной трубкой. Потом бросил мобильник Эрни Кэлверту.

– Джим, не думаю, что это правильно.

Ренни проигнорировал его реплику, наблюдая, как Рэндолф, не выключая мигалки, пристраивается в затылок к патрульной машине Уэттингтон. И он уже собрался двинуться к Рэндолфу, но отверг эту мысль до того, как она полностью сформировалась. Пусть Рэндолф подходит к нему. Так должно быть в этом городе, а не иначе. Так и будет, во имя Господа.

2

– Большой Джим, – подошел к нему Рэндолф, – что здесь произошло?

– Как мне представляется, все это очевидно. Самолет Чака Томпсона затеял спор с лесовозом. Такое впечатление, что этот поединок закончился вничью.

Тут он услышал сирены, приближающиеся со стороны Касл-Рока. Почти наверняка ехали пожарные машины (Ренни надеялся, что среди них будут и две городские, новенькие и чертовски дорогие: тогда, возможно, никто бы и не понял, что пожарные города находились за его пределами, когда произошла эта мутня). Следом, конечно, уже ехали патрульные машины и «скорые».

– Все случилось совсем не так, – по-прежнему гнул свое Олден Динсмор. – Я был на огороде и увидел, как самолет просто…

– Лучше отвести этих людей подальше, как думаешь? – Ренни указал Рэндолфу на зевак. Их собралось достаточно много на стороне лесовоза, стояли они на безопасном расстоянии от его пылающих останков, и еще больше людей подъехало со стороны Милла. Ситуация начала напоминать городской сход.

Рэндолф повернулся к Моррисону и Уэттингтон.

– Хэнк! – Он указал на жителей Милла. Некоторые уже

бродили среди разбросанных частей самолета Томпсона. Слышались крики ужаса, когда среди железок люди натыкались на фрагменты человеческих тел.

– Понял. – Моррисон направился к зевакам.

Уэттингтон заместитель чифа указал на других зевак, глазеющих на лесовоз:

– Джекки, возьми на себя… – Но Рэндолф не договорил.

Зрители с южной стороны зоны происшествия стояли на пастбище по одну сторону дороги и в невысоком, до колена, кустарнике – по другую. Рты у всех раскрылись, на лицах отпечаталось выражение тупого интереса, с каким Ренни так часто сталкивался. Каждый день он видел подобное выражение на лицах отдельных личностей, а раз в году, в марте, на городском собрании, en masse[18]. Но люди между тем смотрели не на горящий лесовоз. И теперь Питер Рэндолф, далеко не тупица (конечно, не семи пядей во лбу, но по крайней мере он знал, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом), смотрел туда же, что и остальные, и от изумления у него тоже отвисла челюсть. Как и у Джекки Уэттингтон.

А остальные смотрели на дым. Тот самый, что поднимался над горящим лесовозом.

Черный и маслянистый. Людям, стоявшим под ветром, а дул он с юга, вроде бы полагалось задыхаться от этого дыма, но они не задыхались. И Ренни видел почему. Верилось в это с трудом, но он все видел собственными глазами. Дым сме-

[18] Скопом (*фр.*).

щался на север, во всяком случае, сначала, а потом направление его движения изменялось, чуть ли не под прямым углом, и он струей поднимался вертикально вверх, как по трубе. И оставлял за собой черно-коричневый след. Длинный грязный язык, который, казалось, плавал в воздухе.

Джим Ренни замотал головой, чтобы отделаться от этого образа, но, когда перестал мотать, язык остался на прежнем месте.

– Что это? – У Рэндолфа от изумления голос заметно смягчился.

Перед ним встал Динсмор, фермер.

– Вот этот парень, – он указал на Эрни Кэлверта, – связался с Министерством национальной безопасности, а вот этот… – театральным жестом, достойным зала суда, фермер указал на Ренни, которого жест этот не впечатлил, – взял у него трубку и оборвал связь! Не следовало ему этого делать, Пит. Потому что никакого столкновения не было. Самолет не приближался к земле. Я это видел. Укрывал грядки на случай мороза и *видел*.

– Я тоже видел… – начал Рори и на этот раз схлопотал подзатыльник от старшего брата, после чего захныкал.

– Он с чем-то *столкнулся*, – продолжал Олден Динсмор. – С тем же, с чем столкнулся и грузовик. Эта преграда тут, вы можете ее пощупать. А молодой человек, повар, сказал, что здесь необходимо ввести зону запрета полетов, и он прав. Но мистер Ренни… – Динсмор эффектным жестом вновь указал

на Ренни, словно считал себя Перри Мейсоном, а не человеком, который зарабатывал на жизнь, надевая доильные стаканы на соски коровьего вымени, – даже не стал говорить. Просто оборвал связь.

Но Ренни и не собирался оправдываться.

– Ты теряешь время, – сказал он Рэндолфу. Приблизился и добавил чуть ли не шепотом: – Чиф уже едет. Мой совет – действуй быстро и возьми место аварии под контроль до его приезда. – Потом бросил на фермера ледяной взгляд. – Свидетелей ты сможешь опросить позже.

Но – и это взбесило Ренни – последнее слово все равно осталось за Олденом Динсмором:

– Этот парень Барбара был прав. Он был прав, а Ренни ошибся.

И Большой Джим дал себе слово не оставить эту выходку Олдена Динсмора без внимания. Рано или поздно фермеры всегда приходили к членам городского управления со шляпами в руках – хотели подтвердить право пользования дорогами или получить снижение зонального тарифа, просили о чем-то еще, – и, когда мистер Динсмор придет в следующий раз, он не встретит понимания, если мнение Ренни играет хоть какую-то роль. А оно играет!

– Возьми место аварии под контроль, – повторил Ренни Рэндолфу.

– Джекки, отодвинь этих людей, – приказал заместитель чифа, указав на зевак, которые стояли со стороны лесовоза.

– Установи периметр.

– Сэр, я думаю, эти люди находятся в Моттоне…

– Мне без разницы, отодвинь их подальше. – Рэндолф оглянулся и посмотрел на Герцога Перкинса, вылезающего из зеленого патрульного автомобиля чифа – автомобиля, который Питеру очень хотелось видеть на подъездной дорожке у своего дома. И он надеялся, что увидит – с помощью Большого Джима Ренни. Самое позднее через три года. – Полицейское управление Касл-Рока только поблагодарит тебя, поверь мне.

– А как насчет этого… – Джекки указала на грязное пятно от дыма, которое все расширялось. Сквозь него октябрьская расцветка деревьев нивелировалась. Все листья становились одинаково темно-серыми, а небо приобретало нездоровый желтоватый отлив.

– Держись подальше, – ответил Рэндолф. Он хотел помочь Хэнку Моррисону установить периметр со стороны Честерс-Милла. Но сначала требовалось ввести в курс дела Перкинса.

Джекки зашагала к людям, собравшимся на стороне лесовоза. Толпа постоянно росла – видать, прибывшие первыми сразу взялись за мобильники. Кто-то затоптал маленькие очаги огня в кустах – благое дело, но теперь все только стояли и глазели. Руки Джекки пришли в движение, она как бы отгоняла толпу, повторяя жесты Хэнка на стороне Милла, и подкрепляла их той же мантрой:

– Отойдите, пожалуйста, подальше, все закончено, вы не увидите ничего такого, что уже не видели, освободите дорогу для пожарных машин и полиции, отойдите, очистите территорию, разъезжайтесь по домам, займитесь сво…

Джекки обо что-то ударилась. Ренни понятия не имел обо что, но увидел результат. Сначала с препятствием соприкоснулись поля ее шляпы. Сложились, и шляпа слетела с головы Джекки. Мгновением позже сплющились ее здоровенные буфера – пара ёханых пушечных ядер, так они выглядели. То же самое произошло с носом, и из него выплеснулась струя крови, которая размазалась на чем-то… и начала стекать вниз длинными каплями, как краска по стене. Джекки шлепнулась на свой обширный зад. На лице отражалось крайнее изумление.

Чертов фермер опять задолдонил:

– Видите? Что я вам говорил?

Рэндолф и Моррисон всего это не видели. Перкинс – тоже. Втроем они что-то обсуждали у капота автомобиля чифа. У Ренни возникла мысль подойти к Уэттингтон, но другие уже проявляли инициативу, а кроме того… она находилась слишком близко от препятствия, на которое наткнулась. Поэтому он поспешил к копам-мужчинам. Суровое лицо и выпяченный живот показывали, что идет человек, облеченный властью. По пути он свирепо глянул на Динсмора.

– Привет, чиф. – Ренни протиснулся между Моррисоном и Рэндолфом.

Перкинс кивнул в ответ:

– Вижу, ты времени не теряешь.

Возможно, он хотел его подколоть, но Ренни, хитрая старая рыбина, приманку не заглотил.

– Боюсь, мы не вполне можем доверять собственным глазам. Думаю, кто-то должен связаться с Министерством национальной безопасности. – Он выдержал многозначительную паузу. – Я не хочу сказать, что это как-то связано с терроризмом… но и не могу утверждать, что не связано.

3

Герцог Перкинс смотрел за спину Большого Джима. Эрни Кэлверт и Джонни Карвер, который работал в магазине при заправочной станции «Бензин и бакалея», помогали Джекки подняться. Чувствовалось, что она ошарашена, из носа текла кровь, но в целом ничего страшного с ней не произошло. Тем не менее здесь определенно творилось что-то странное. Разумеется, такое ощущение возникало всегда, если гибли люди, но тут странностей было куда как больше.

Во-первых, самолет не пытался приземлиться. Слишком большое количество обломков валялось на слишком большой территории, чтобы Перкинс в это поверил. Плюс зеваки. С ними тоже хватало странностей. Рэндолф этого не заметил в отличие от Герцога Перкинса. Люди должны были стоять одной большой толпой. Так они поступали всегда, словно каждый нуждался в поддержке других перед лицом смерти. А здесь образовалось две толпы, которые почему-то не переходили административную границу между городами.

Из-за поворота на юге появились первые пожарные машины. Числом три. Герцог порадовался, увидев на борту второй по счету надпись золотыми буквами: «ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ПОЖАРНАЯ МАШИНА НОМЕР 2». Толпа сдвинулась к кустам, освобождая место пожарным.

Герцог перевел взгляд на Ренни:

– Что здесь произошло? Ты знаешь?

Ренни уже открыл рот, чтобы ответить, но его опередил Эрни Кэлверт:

– Дорогу перегораживает какой-то барьер. Его не видно, но он есть, чиф. Лесовоз столкнулся с ним. И самолет тоже.

– Чертовски верно! – воскликнул Динсмор.

– Об него ударилась и патрульная Уэттингтон, – вставил Джонни Карвер. – К счастью, на меньшей скорости.

Он обнимал Джекки за талию. Женщина еще не пришла в себя. Герцог заметил кровь на рукаве рабочей куртки Карвера с надписью на спине «Я ЗАПРАВИЛСЯ БЕНЗИНОМ В МИЛЛЕ СО СКИДКОЙ».

На стороне Моттона появилась еще одна пожарная машина. Первые две перекрыли дорогу, образовав букву «V». Пожарные уже выскочили из кабин и раскатывали рукава. Герцог слышал сирену «скорой», приближающуюся со стороны Касл-Рока. *А где наша?* – задался он вопросом. Тоже отправилась на эти чертовы учения? Ему бы не хотелось так думать. Да кто в здравом уме мог отправить «скорую» к пустому горящему дому?

– Вроде бы здесь невидимый барьер… – начал Ренни.

– Да, я понял, – оборвал его Герцог. – Не знаю, что это значит, но я понял. – Он оставил Ренни и направился к своей подчиненной, из носа которой все еще капала кровь, не увидев, как у оскорбленного второго члена городского управления полыхнули красным щеки. – Джекки! – Герцог мягко

положил руку ей на плечо. – Ты в порядке?

– Да. – Она коснулась пальцем своего носа. – Он не выглядит сломанным? По ощущениям – он не сломан.

– Он не сломан, только распухает. Но я уверен, что к Празднику жатвы нос придет в норму.

Она слабо улыбнулась.

– Чиф, – к ним подошел Ренни, – я действительно думаю, что мы должны кому-то об этом сообщить. Если не в Министерство национальной безопасности, по здравом размышлении я понял, что это перебор, тогда, возможно, в полицию штата.

Герцог отодвинул его в сторону. Мягко, но недвусмысленно. Почти что оттолкнул. Пальцы Ренни сжались в кулаки, но тут же разжались. Жизнь свою он выстроил так, что по большей части толкал сам, не позволяя толкать его, но это нисколько не отменяло простой истины: кулаки – для идиотов. Примером тому его сын. Но оскорбления следовало помнить и заставлять за них расплачиваться. Обычно позже… и так получалось даже лучше.

Месть становилась слаще.

– Питер! – Герцог позвал Рэндолфа. – Свяжись с Центром здоровья и спроси, где их чертова «скорая»! Я хочу видеть ее здесь!

– Это может сделать Моррисон. – Рэндолф достал фотоаппарат из своего патрульного автомобиля, чтобы заснять место аварии.

– Ты можешь это сделать, и немедленно.

– Чиф, я не думаю, что Джекки так уж сильно ударилась, а кроме нее…

– Если я захочу узнать твое мнение, Питер, я им обязательно поинтересуюсь.

Рэндолф бросил было на чифа злобный взгляд, но, оценив выражение лица Герцога, кинул фотоаппарат на сиденье и схватился за мобильник.

– Что произошло, Джекки? – спросил Герцог.

– Я не знаю. Сначала почувствовала покалывание, как бывает, если коснешься рукой штырей штепселя, который вставляешь в розетку. Это ушло, но потом я ударилась… и я не знаю, обо что я ударилась.

– А-а-а-х! – выдохнула толпа.

Пожарные направили рукава на горящий лесовоз, но за ним струи обо что-то ударялись и возвращались к пожарным, а брызги образовывали в воздухе яркие радуги. За свою жизнь Герцог не видел ничего подобного… разве что в мойке для автомобилей, когда ты сидишь в кабине и наблюдаешь, как струи воды под высоким давлением бьются о ветровое стекло.

Потом он увидел радугу и на стороне Милла, только маленькую. Одна из зевак – Лисса Джеймисон, городской библиотекарь – направилась к этой радуге.

– Лисса, не подходи туда! – крикнул Герцог.

Она его проигнорировала. Напоминала загипнотизиро-

ванную. Встала в нескольких дюймах от того места, где струи высокого давления били по прозрачному воздуху и отлетали назад, раскинула руки. Герцог видел капельки водяного тумана, заблестевшие на ее волосах, которые она собрала на затылке в пучок. Маленькая радуга исчезла, потом сформировалась вновь, за спиной Лиссы.

– Ничего, кроме тумана! – крикнула она, и в ее голосе слышался восторг. – Там столько воды, а здесь ничего, кроме тумана! Как от увлажнителя воздуха.

Питер Рэндолф поднял мобильник и покачал головой.

– Сигнал есть, но дозвониться я не могу. Наверное, все эти люди, – он обвел толпу рукой, – перегрузили сеть.

Герцог не знал, возможно ли такое, но действительно практически все или с кем-то разговаривали, или фотографировали. За исключением Лиссы, которая по-прежнему вела себя как лесная нимфа.

– Приведи ее сюда, – приказал Герцог своему заместителю. – Приведи ее сюда до того, как она вытащит магический кристалл или что-то еще в этом роде.

По лицу Рэндолфа ясно читалось, что подобные поручения кажутся ему недостойными уровня жалованья, которое получал, но он пошел.

Герцог хохотнул. Коротко, но искренне.

– Что, скажи на милость, ты увидел здесь смешного? – спросил Ренни. Со стороны Моттона подъезжало все больше и больше копов из Полицейского управления округа. И если

Перкинс продолжит топтаться на месте, копы из Касл-Рока возьмут ситуацию под свой контроль. То есть вся слава достанется им.

Герцог перестал смеяться, но улыбка не сошла с лица. Его, похоже, происходящее не пугало.

– Это полная мутня, – произнес он наконец. – Твое ведь словечко, Большой Джим? И поверь моему опыту, когда имеешь дело с полной мутней, без смеха никак не обойтись.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь! – Ренни чуть ли не кричал.

Братья Динсморы отступили от него и спрятались за отца.

– Я знаю, – мягко сказал Герцог. – И это нормально. Но тебе надо прямо сейчас понять следующее: я – старший офицер правоохранительных органов на месте катастрофы, по крайней мере до приезда шерифа округа, а ты – член городского управления. Здесь у тебя никакого официального статуса нет, поэтому я хочу, чтобы ты отошел в сторону. – Герцог указал на желтую ленту, которую натягивал патрульный Генри Моррисон, для чего тому пришлось переступить через два крупных обломка фюзеляжа. – Я хочу, чтобы *все* отошли и не мешали нам выполнять свою работу! Следуйте за членом городского управления Ренни. Он отведет вас за желтую ленту.

– Я тебе спасибо за это не скажу, Герцог.

– На что мне совершенно наплевать, и да благословит тебя Бог. Немедленно покинь мою территорию. И пожалуйста,

обойди ленту. Незачем Генри натягивать ее дважды.

– Чиф Перкинс, я хочу, чтобы ты запомнил, как сегодня разговаривал со мной. Потому что я точно это запомню.

Ренни широким шагом направился к ленте. Остальные зеваки последовали за ним, большинство оглядывались на водный туман, сверкающий перед измазанным черным дымом барьером и образующий влажное пятно на асфальте и обочинах. Двое или трое наиболее наблюдательных (среди них и Эрни Кэлверт) уже заметили, что барьер в точности повторяет границу между Моттоном и Миллом.

Ренни ощутил детское желание грудью разорвать ленту, которую натягивал Хэнк Моррисон, но сдержался. Обходить ленту, правда, не стал, не захотел трепать о лопухи брюки марки «Лендс энд», которые обошлись ему в шестьдесят долларов. Прошел под лентой, подняв ее над головой. Из-за внушительного живота нагнуться не получилось бы.

За его спиной Герцог медленно направился к тому месту, где Джекки получила по носу. Вытянул руку перед собой, как слепец, продвигающийся по незнакомой комнате.

Вот тут она упала… а здесь…

Он почувствовал то самое покалывание, о котором говорила Джекки, но оно не ушло, а усилилось, превратилось в острую боль под левым плечом. Ему хватило времени, чтобы вспомнить последние слова Бренды – *Осторожнее с кардиостимулятором*, – а потом прибор взорвался в груди Герцога с такой силой, что порвал футболку «Диких котов», которую

он надел в то утро в честь предстоящей дневной игры. Кровь, клочки ткани, кусочки плоти выплеснулись на барьер.

Толпа ахнула.

Герцог попытался вымолвить имя жены и не смог, но мысленным взором ясно увидел ее лицо. Она улыбалась.

Потом улыбку Бренды сменила темнота.

4

Четырнадцатилетнего парнишку звали Бенни Дрейк, и он был Бритвой. «Бритвы» – так назвала свой клуб немногочисленная группа преданных скейтборду подростков. Местная полиция посматривала на них косо, но занятие это не запрещала, несмотря на просьбы Ренни и Сандерса о таком запрете (на последнем городском собрании в марте стараниями этой сладкой парочки из бюджета вычеркнули расходы на создание специальной безопасной площадки для скейтеров, на городской площади за трибуной).

Его сейчас осматривал тридцатисемилетний Эрик Эверетт по прозвищу Расти[19], фельдшер, работавший вместе с доктором Роном Хаскелом, которого Расти представлял себе в образе Великого и Ужасного Волшебника Оза. «Потому что, – объяснял Расти (но только тем людям, кому мог доверять так же, как и жене), – он очень уж часто остается за занавесом, тогда как мне приходится выполнять всю работу».

Расти проверил, когда юному мастеру Дрейку последний раз делали прививку от столбняка. Осенью 2009 года, очень хорошо. С учетом того, что юный мастер Дрейк неудачно исполнил «уилсон»[20] на бетоне и прилично рассадил икру.

---

[19] Rusty (*англ.*) – рыжий.

[20] Джерон Уилсон (р. 1977) – американский профессиональный скейтер. Речь идет о трюке, названном в его честь.

Жизни рана не угрожала, но и не шла ни в какое сравнение с обычной ссадиной.

– Электричество включили, чувак, – заметил юный мастер Дрейк.

– Это генератор, чувак. Обеспечивает больницу и Центр здоровья. Мудро придумано, да?

– Старая школа, – согласился Дрейк.

Какие-то мгновения взрослый и подросток молча рассматривали шестидюймовую рану на икре Бенни Дрейка. Очищенная от грязи и крови, она по-прежнему выглядела рваной, но уже не такой ужасной. Городская сирена смолкла, но издалека доносился вой других сирен. А потом включилась пожарная сирена, заставив их обоих вздрогнуть от неожиданности.

«*Скорой» пора на выезд*, подумал Расти. *Твитч и Эверетт спешат на помощь. С парнем надо бы побыстрее закончить*.

Да только лицо у мальчишки очень уж побледнело, а в глазах, как показалось Расти, стояли слезы.

– Боишься?

– Есть немного. Мать не разрешит мне гулять.

– Так ты этого боишься? – Расти догадывался, что Бенни Дрейка не всегда пускали гулять. Видно, очень даже часто.

– Ну… А будет очень больно?

Расти поначалу прятал шприц. Теперь ввел три кубика ксилокаина и эпинефрина – обезболивающей смеси, которую по-прежнему называл новокаином. И ждал, пока смесь

сработает, чтобы не причинять пацану лишней боли.

– Не больнее, чем сейчас.

– Уф, тогда приступай. Терпеть можно.

Расти рассмеялся.

– Ты прокатился по фулпайпу, прежде чем сделать «уилсон»? – Бывший скейтер проявлял искреннее любопытство.

– Только на хафе[21], но и это забирает! – Бенни просиял. – Как думаешь, сколько швов? Норри Кэлверт наложили двенадцать, когда прошлым летом она навернулась в Оксфорде.

– Не так много. – Расти знал Норри, маленькую готку, которая просто мечтала о том, чтобы убиться на скейтборде, прежде чем кого-то родить. Он нажал на край раны иглой. – Чувствуешь?

– Да, чувак, еще как. Ты слышал: там что-то бабахнуло? – Бенни небрежно указал на юг, сидя на смотровом столе в одних трусах и пачкая кровью бумажную простыню.

– Нет, – отмахнулся Расти, хотя слышал, как бабахнуло дважды, только боялся, что не бабахнуло, а взорвалось. С обработкой раны следовало поторопиться. А где Волшебник? На обходе, по словам Джинни. Сие скорее всего означало, что спит в комнате отдыха врачей в «Кэтрин Рассел». В последнее время этот замечательный Волшебник, отправляясь на обход, оказывался именно там. – Что-нибудь чувствуешь? – Расти вновь уколол ногу иглой. – Не смотри. Глаза могут обмануть.

---

[21] Фулпайп, хафпайп – специальные желобы для скейтеров.

– Нет, чел, ничего. Ты водишь меня за нос.

– Нет. Нога у тебя онемела. – При этом Расти подумал: *И не только нога*. – Ладно, начнем. Ляг, расслабься и наслаждайся полетом с «Кэтрин Рассел эрлайнс». – Он еще раз промыл рану стерилизующим раствором, очистил, потом подровнял края верным скальпелем номер 10. – Шесть швов моей лучшей нейлоновой ниткой номер сорок.

– Страх какой. Думаю, я могу блевануть.

Расти протянул подростку тазик для рвоты, который также назывался блевотной кастрюлей.

– Блюй сюда. Отключись, и ты в свободном полете.

Бенни не отключился. И не блеванул.

Расти уже накладывал на зашитую рану стерильную марлевую салфетку, когда раздался стук в дверь, а потом появилась голова Джинни Томлинсон.

– Могу я с тобой поговорить?

– На меня внимания не обращайте, – вставил Бенни. – Я это люблю, побыть с самим собой, – добавил маленький наглец.

– В коридоре, Расти. – На подростка Джинни и не взглянула.

– Я сейчас вернусь, Бенни. Сиди и не волнуйся.

– Не парься, никаких проблем.

Расти последовал за Джинни в коридор.

– Пора на выезд? – спросил он.

За спиной Джинни, в залитой солнцем комнате ожидания,

мать Бенни бросила на фельдшера мрачный взгляд, оторвавшись от книги с обнимающейся парочкой на обложке.

Джинни кивнула.

– Сто девятнадцатое, граница с Таркерсом. Еще один несчастный случай на другой границе города, с Моттоном, но, как я слышала, там все трупы. Столкновение самолета с грузовиком. Самолет пытался приземлиться.

– Ты заливаешь?

Элва Дрейк, хмурясь, оглянулась, потом вновь уткнулась в книгу. Или просто смотрела в нее, пытаясь сообразить: поддержит ли ее муж, если она запретит Бенни гулять, пока ему не исполнится восемнадцать?

– Ничего я не заливаю.

– Странно как-то.

– Но парень на границе с Таркерсом еще жив. Водитель грузовика для доставки продуктов, как я поняла. Пошевеливайся. Твитч ждет.

– Ты закончишь перевязку?

– Да. Иди, иди.

– А доктор Рейберн?

– У него пациенты в Мемориальной Стефенской. – Она говорила о больнице в Норуэе. – Он уже едет, Расти. Шевелись.

Прежде чем уйти, он сообщил миссис Дрейк, что у Бенни все хорошо. Элву эта новость вроде как не шибко обрадовала, но она его поблагодарила.

Дуги Твитчел сидел на бампере старенькой «скорой», которую Джим Ренни и его коллеги из городского управления даже и не думали заменить, курил и нежился на теплом солнышке. Еще он держал в руке портативную рацию, и она бубнила без умолку: голоса возникали внезапно и наслаивались друг на друга.

– Выкинь эту раковую палочку, и по коням, – распорядился Расти. – Ты знаешь, куда едем, так?

Твитч отбросил окурок. Несмотря на прозвище, более спокойного медбрата или медсестру Расти видеть не доводилось, а это говорило о многом.

– Я знаю, что сказала тебе Джин-Джин. Граница с Таркерсом, так?

– Точно. Перевернувшийся грузовик.

– Да, конечно, но планы переменились. Мы должны ехать в другую сторону. – Он указал на южный горизонт, где поднималась колонна густого черного дыма. – Никогда не возникало желания увидеть разбившийся самолет?

– Уже видел. На службе. Двое парней. То, что от них осталось, можно было намазать на хлеб. С меня хватит, странник. Джинни говорит, что там все мертвы. Тогда почему?

– Может, так, может, и нет. Но нам надо ехать за Перкинсом, а он, возможно, жив.

– Чифом Перкинсом?

– Точно. Я думаю, прогноз не очень хороший, если у него кардиостимулятор взорвался в груди: именно так гово-

рит Питер Рэндолф. Но Перкинс – начальник полиции. Бесстрашный лидер.

– Твитч, дружище, кардиостимулятор в груди взорваться не может. Такое абсолютно невозможно.

– Тогда, наверное, чиф еще жив, и мы сможем принести какую-то пользу, – резонно заметил Твитч. Обходя капот «скорой», он достал сигареты.

– В кабине ты курить не будешь, – твердо заявил Расти. Твитч с грустью посмотрел на него. – Если не поделишься.

Твитч вздохнул и протянул пачку.

– Ах, «Мальборо»! – радостно воскликнул Расти. – Мои самые любимые.

– Ты меня убиваешь, – хмыкнул Твитч.

5

Они промчались на красный свет в месте слияния шоссе номер 117 и номер 119 с включенной сиреной, оба курили как одержимые (стекла, как и всегда, они опустили), слушая болтовню по рации. Расти мало что понимал, но в одном у него сомнений уже не осталось: работать придется и после четырех часов.

– Чел, я не знаю, что случилось, – Твитч взглянул на него, – но вот что я тебе скажу: мы увидим настоящее крушение самолета. Нет, конечно, попадем туда уже после того, как он упал, но хоть что-то.

– Твитч, ты – просто извращенец.

Автомобилей хватало, и большинство направлялось на юг. Кто-то, возможно, ехал и по делам, но Расти подумал, что видит в основном человеческих мух, притягиваемых запахом крови. Твитч гнал по встречной полосе: на север по шоссе номер 119 никто не ехал.

– Посмотри! – Твитч кивнул в сторону и вверх. – Новостной вертолет. Мы появимся в шестичасовом информационном выпуске, Большой Расти. Героические медики, борющиеся за…

И вот тут полет фантазии Дуги Твитчела оборвался. Впереди, на месте катастрофы, как предположил Расти, вертолет вдруг начал разваливаться. Только что на его борту не

составляло труда увидеть число «13» и глаз логотипа Си-би-эс, а в следующее мгновение вертолет взорвался и огненным дождем пролился на землю с безоблачного послеполуденного неба.

– Господи, прости меня! – вскричал Твитч. – Я же говорил не на полном серьезе! – А потом добавил так по-детски, что тронул сердце Расти: – Я беру свои слова обратно!

6

– Я должен вернуться. – Гендрон снял бейсболку «Тюленей» и вытер ею окровавленное грязное бледное лицо. Его нос раздулся до такой степени, что напоминал большой палец великана. Глаза выглядывали из черных кругов. – Извини, но мой рубильник ужасно болит, и… я уже не так молод, как прежде. – Он вскинул руки и опустил.

Они стояли лицом друг к другу, и Барби с радостью обнял бы Гендрона и похлопал по спине, будь такое возможно.

– Шок начал сказываться, да?

Гендрон грустно усмехнулся:

– А тут еще этот вертолет.

И они оба повернулись к еще одной, только что появившейся колонне дыма.

Барби и Гендрон покинули место аварии на шоссе номер 117, лишь убедившись, что другие люди уже оказывают необходимую помощь Эльзе Эндрюс, единственной выжившей. Судя по всему, она легко отделалась, хотя гибель подруги, конечно же, разбила ей сердце.

– Тогда возвращайся. Медленно. Без всякой спешки. Отдыхай, когда возникнет такое желание.

– Пойдешь дальше?

– Да.

– Все еще рассчитываешь найти, где он заканчивается?

Барби какое-то время молчал. Сначала он не сомневался, что найдет, но теперь…

– Надеюсь.

– Что ж, удачи тебе. – Гендрон приподнял бейсболку, прежде чем надеть вновь. – И я надеюсь пожать тебе руку еще сегодня.

– Я тоже. – Барби замолчал, о чем-то задумавшись. – Сможешь ты для меня кое-что сделать, когда доберешься до мобильника?

– Конечно.

– Позвони на армейскую базу в Форт-Беннинг. Спроси дежурного офицера и скажи ему, что тебе необходимо связаться с полковником Джеймсом Оу Коксом. Скажи, что дело срочное и ты звонишь по просьбе капитана Дейла Барбары. Сможешь ты это запомнить?

– Дейл Барбара – это ты. Джеймс Кокс – это он. Вас понял.

– Если выйдешь на него… я в этом не уверен, но если… расскажи ему, что здесь происходит. Скажи ему: если никто еще не связался с Министерством национальной безопасности, то сделать это должен он. Справишься?

Гендрон кивнул.

– Если смогу связаться, то скажу. Удачи тебе, солдат.

Барби отдал честь, прикоснувшись пальцем к виску. А потом двинулся дальше, уже сильно сомневаясь, что поиски его дадут результат.

7

Он нашел лесную дорогу, которая тянулась практически параллельно барьеру. Дорога сильно заросла и давно не использовалась, но идти по ней было куда проще, чем ломиться через густые заросли. Время от времени Барби сходил с дороги, чтобы убедиться в наличии стены между Честерс-Миллом и внешним миром. И всегда натыкался на нее.

Добравшись до того места, где шоссе номер 119 пересекало административную границу между Честерсом и Таркерсом, Барби остановился. Водителя перевернувшегося грузовика для доставки продуктов увезли добрые самаритяне с другой стороны барьера, но сам грузовик лежал, перегородив дорогу, как большой дохлый зверь. Дверцы кузова распахнулись при ударе. Асфальт усеивали пакеты и коробки с «Девил-догс», «Хо-Хо», «Ринг-Динг», «Твинкис», крекерами с ореховым маслом. Молодой парень в футболке с надписью «Джордж Стрейт»[22] сидел на пне по ту сторону барьера, ел крекер. В другой руке держал мобильник. Он вскинул глаза на Барби.

– Привет. Ты пришел… – Парень кивнул за спину Барби. Выглядел он усталым и разочарованным.

– С другой стороны города, – подтвердил Барби. – Точно.

– Везде невидимая стена? Граница закрыта?

[22] Джордж Харви Стрейт (р. 1952) – американский певец в стиле кантри.

– Да.

Молодой человек нажал кнопку на мобильнике.

– Дасти? Ты еще там?.. Хорошо. – Он отключил связь. – Мой друг Дасти и я начали с востока. Разделились. Он пошел на юг. Мы поддерживаем связь по мобильнику. Оба ищем брешь. Он сейчас там, где упал вертолет. Говорит, что народу все больше.

– Значит, вы тоже не нашли ни одной дыры?

Молодой парень кивнул. Больше ничего не сказал, да и зачем?

Ребята, конечно, могли пропустить бреши. Барби полагал, что такое возможно – дыры размером с окно или дверь, – но очень в этом сомневался.

Он исходил из того, что город полностью отрезан.

«И за команду за одну мы все болеем»

1

Барби вернулся в центр города на шоссе номер 119, отшагав примерно три мили. Добрался туда в шесть вечера. Главную улицу нашел пустующей, но не тихой: отовсюду доносился шум генераторов, и не одного десятка.

Светофор в месте слияния шоссе номер 119 и номер 117 не работал, зато в «Эглантерии» было светло и людно. Заглянув в большую витрину, Барби увидел, что все столики заняты. Но когда вошел в дверь, не услышал привычной болтовни о политике, «Ред сокс», местной экономике, «Патриотах», недавно приобретенных легковушках и пикапах, «Кельтах», цене на бензин, «Медведях», недавно приобретенном оборудовании и домашней технике, «Диких котах». Не услышал и привычного смеха.

Над стойкой работал телевизор, и все посетители не отрывали от него глаз. Посмотрел на экран и Барби, с недоверием и ощущением дезориентации, которые испытывает каждый, кто обнаруживает, что находится в эпицентре катастрофы: репортер Си-эн-эн Андерсон Купер стоял на шоссе номер

119 на фоне обугленного остова лесовоза.

Роуз сама обслуживала столик, иногда подскакивая к стойке, чтобы взять заказ. Тонкие пряди волос, выскользнувшие из-под сеточки, обрамляли лицо. Выглядела она уставшей и задерганной. С четырех часов дня и до закрытия стойку обслуживала Энджи Маккейн, но в этот вечер Барби ее не видел. Возможно, она находилась за пределами города, когда возник барьер. В этом случае Энджи наверняка не скоро сможет вернуться за стойку.

Энсон Уилер – Рози обычно звала его «пацаном», хотя парню как минимум перевалило за двадцать пять – готовил. Барби даже думать боялся, что сотворит Энси с чем-то более сложным, чем тушеная фасоль с сосисками – блюдом, которое традиционно подавалось в «Эглантерии» в субботу вечером. Оставалось только пожалеть посетителей, решивших позавтракать в обед, поскольку им предстояло иметь дело с термоядерными жареными яйцами в исполнении Энсона.

Помимо Энджи, Барби нигде не видел и Доди Сандерс. Хотя для того, чтобы эта недотепа не пришла на работу, не требовалась вселенская катастрофа. Нет, ленивой он бы не назвал ее, но она так легко могла чем-то увлечься. А если оценить интеллектуальный уровень Доди… ну что он тут мог сказать? Ее отец Энди Сандерс, первый член городского управления, не тянул на кандидата в Менсу[23], но в сравнении

[23] Менса – организация, объединяющая людей с высоким коэффициентом интеллекта.

с Доди казался Эйнштейном.

На экране вертолеты приземлялись за спиной Андерсона Купера, взлохмачивая его седые волосы и заглушая голос. Выглядели вертолеты как «Пейв лоу». Барби отлетал на них свое, когда служил в Ираке.

Тут в кадр вошел армейский офицер, прикрыл микрофон Купера рукой в перчатке, что-то прошептал репортеру на ухо.

Зашептались и посетители «Эглантерии». Барби понимал их тревогу. Сам ее испытывал. Когда человек в форме бесцеремонно прикрывает рукой микрофон знаменитого телерепортера, невольно возникают мысли о конце света.

Представитель армии – полковник, но не его полковник, появление в кадре Кокса окончательно дезориентировало бы Барби – сказал все, что хотел. Его перчатка прошуршала по микрофону, когда он убирал руку. Офицер вышел из кадра с каменным лицом. Барби такое уже видел: этот полковник выступал от лица армии. Ничего личного.

Купер уже говорил в микрофон:

– Прессе велено отойти на полмили, в место, которое называется «Придорожный магазин Раймонда». – Посетители «Эглантерии» вновь зашептались. Все знали «Магазин Раймонда» в Моттоне, с надписями в витрине «ХОЛОДНОЕ ПИВО ГОРЯЧИЕ САНДВИЧИ СВЕЖАЯ НАЖИВКА». Большими буквами. – Эта территория, полоса шириной менее ста ярдов рядом с тем, что мы, за неимением луч-

шего термина, называем барьером, объявлена зоной национальной безопасности. Мы возобновим нашу передачу, как только сможем, а пока я переключаю вас на нашу студию в Вашингтоне. Вольф, тебе слово.

На красной бегущей строке внизу экрана высвечивалось: «НОВОСТЬ ЧАСА НЕ УДАЕТСЯ УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ЗАГАДОЧНОЙ БЛОКАДЫ ГОРОДА В ШТАТЕ МЭН». В верхнем правом углу на красном фоне мигало слово «ОПАСНОСТЬ». *Словно реклама в витрине таверны – «Пейте выдержанное пиво»*[24], подумал Барби и чуть не рассмеялся.

На экране другой ведущий, Вольф Блитцер, занял место Андерсона Купера. Роуз Блитцера обожала и не разрешала переключать телевизор на другой канал, когда по будням шла программа «Ситуационная комната». Она называла его «мой Вольфи». В этот вечер Вольфи был при галстуке, но узел перекосило, да и одежда производила впечатление помятой и несвежей.

– Подведем краткий итог, – начал Вольф. – Сегодня, примерно в час пополудни…

– Раньше, и намного, – ввернул кто-то.

– Насчет Майры Эванс, это правда? – спросил другой голос. – Она действительно погибла?

– Да, – ответил Фернолд Боуи. Единственное похоронное

[24] Игра слов. Слово «severe» обозначает наивысший уровень опасности. В рекламе пива оно используется в значении «выдержанный».

бюро в городе принадлежало Стюарту Боуи, старшему брату Ферна. Ферн иногда помогал ему, если был трезв, и сегодня выдался именно такой день. Чувствовалось, что он трезв как стеклышко. Шокирующе трезв. – А теперь хватит кудахтать: я хочу услышать, что скажут.

Барби тоже хотел. Вольфи коснулся самого важного вопроса и сказал именно то, что и хотел услышать Барби: воздушное пространство над Честерс-Миллом закрыли для полетов. Более того, для полетов закрыли весь Западный Мэн и Восточный Нью-Хэмпшир, от Льюистона-Обурна до Норт-Конуэя. Президента ввели в курс дела. И впервые за девять лет уровень угрозы национальной безопасности превысил оранжевый.

Джулия Шамуэй, владелица и издатель газеты «Демократ», глянула на Барби, когда тот проходил мимо ее столика. Затем ее губы изогнулись в фирменной, сдержанной и загадочной улыбке.

– Складывается впечатление, что Честерс-Милл не хочет вас отпускать, мистер Барбара.

– Похоже на то. – Барби не удивляло, что она знает и о его уходе, и о причинах, побудивших к этому. Он провел в Милле достаточно времени, чтобы уяснить для себя: Джулия Шамуэй знала все, что следовало знать.

Роуз увидела его, когда ставила на столик для четверых, за который набились шестеро, тарелки с тушеной фасолью и сосисками (и с чем-то дымящимся и пережаренным, веро-

ятно, заказанным как свиная отбивная). Застыла, с тарелкой в каждой руке, а потом улыбнулась. Так искренне, счастливо и с таким облегчением, что настроение у Барби сразу поднялось.

Это и значит – почувствовать себя дома. Будь я проклят, если ошибаюсь.

– Вот те на! Не ожидала вновь увидеть тебя, Дейл Барбара.

– Мой фартук еще у тебя? – спросил Барби. Чуть застенчиво. В конце концов, именно Роуз взяла его на работу, обычного бродягу с несколькими написанными от руки рекомендациями в рюкзаке. Ранее она сказала ему, что отлично понимает, почему он хочет уйти из города – никому не нужны такие враги, как отец Ренни-младшего, но Барби все равно чувствовал, что подвел ее.

Роуз расставила тарелки и поспешила к Барби. Полная невысокая женщина, которой пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять его, но она с этим справилась.

– Я чертовски рада тебя видеть, – прошептала Роуз.

Барби обнял ее и поцеловал в макушку.

– Большой Джим и Младший мне не обрадуются.

Но ни одного Ренни здесь не было, за что он мог только поблагодарить судьбу. И Барби заметил, что на какое-то время его особа заинтересовала горожан больше, чем появление Честерс-Милла на национальном телевидении.

– Да пусть Большой Джим Ренни усрется! – Барби рассмеялся, его радовала и ее экспрессивность, и благоразумие: она

по-прежнему говорила шепотом. – Я думала, ты ушел!

– Я почти ушел, но припозднился с выходом из дома.

– Ты видел… это?

– Да. Позже расскажу. – Он освободил ее из объятий, подержал на расстоянии руки, подумал: *Будь ты лет на десять моложе, Роуз… даже на пять…* – Так я могу взять свой фартук?

Она вытерла уголки глаз, кивнула.

– *Пожалуйста*, возьми его. И гони Энсона из кухни, пока он нас всех не отравил.

Барби отдал честь, обогнул стойку, прошел на кухню и отправил к стойке Энсона, велев разобрать заказы и навести там порядок, а потом помочь Роуз в зале. Энсон со вздохом облегчения отступил от гриля.

Тот являл собой ужасное зрелище, как случалось всегда, когда Энсон занимался грозящим катаклизмами теплообменным процессом, который он называл готовкой.

Прежде чем пойти к стойке, Энсон сжал правую руку Барби двумя своими.

– Слава Богу, чел… я не помню такого зашивона. Просто запаниковал.

– Не волнуйся. Мы сможем накормить пять тысяч.

Энсон, не знаток Библии, вытаращился на него:

– Что?

– Не важно.

Раздался звонок, установленный в углу коридорчика, что

вел на кухню.

– Новый заказ! – крикнула Роуз.

Барби схватил лопатку, прежде чем взять листок с заказом, надел фартук через голову, завязал сзади тесемки, заглянул в шкафчик над раковиной. Там лежало множество бейсболок, которые в «Эглантерии» использовались вместо поварских колпаков. Из уважения к Полу Гендрону (как надеялся Барби, сейчас окруженному любовью и заботой самых дорогих и близких) выбрал бейсболку «Тюленей», надел козырьком назад, хрустнул пальцами.

Потом схватил первый листок с заказом и принялся за работу.

2

В 21.15, на час позже, чем обычно в субботу, из «Эглантерии» ушли последние посетители. Барби запер дверь, перевернул висевшую на стекле табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Понаблюдал, как эти ушедшие клиенты пересекают улицу, направляясь к городской площади, где собралось человек пятьдесят. Им, конечно же, было что обсудить. Все смотрели на юг, где сильный белый свет образовал своеобразный пузырь над шоссе номер 119. Не телевизионные огни, прикинул Барби, – армия США создала и охраняла запретную зону, выставив часовых и осветив ее.

Запретная зона. Ему это определенно не нравилось.

А Главная улица погрузилась в неестественную темноту. В некоторых зданиях горели электрические лампы – там, где работали генераторы, – в «Универмаге Берпи», магазине «Бензин и бакалея», «Новых и подержанных книгах», «Мире еды», в пяти-шести других местах. Но уличные фонари стояли темными, а на вторых этажах, где располагались квартиры, обходились свечами.

Роуз сидела за столиком в центре зала, курила (в общественных местах такое запрещалось, но Барби никому не собирался об этом докладывать). Она стянула с головы сеточку и устало улыбнулась ему, когда он сел напротив. У них за спиной Энсон драил стойку, его длинные, до плеч, волосы

теперь торчали из-под бейсболки «Ред сокс».

– Я думала, Четвертое июля – самый тяжелый день, но этот еще хуже. – Роуз вздохнула. – Если бы ты не появился, я бы свернулась калачиком в углу, зовя мамочку.

– Мимо меня проехала блондинка на «Эф-сто пятьдесят». – Воспоминание вызвало у Барби улыбку. – Чуть не остановилась, чтобы подвезти. Если б подвезла, я оказался бы по ту сторону. Правда, со мной могло случиться то же самое, что и с Чаком Томпсоном и женщиной в самолете. – Томпсона в комментарии Си-эн-эн упомянули. Про женщину сказали, что она еще не опознана.

Но Роуз знала.

– Клодетт Сандерс. Я уверена, что она. Доди вчера говорила мне, что сегодня у ее матери урок.

Между ними на столе стояла тарелка с картофелем фри. Барби как раз тянулся к ней, но рука повисла в воздухе. Он вдруг понял, что жареного картофеля ему совершенно не хочется. Как и чего-то другого. И красная лужа у края тарелки больше смахивала на кровь, чем на кетчуп.

– Так вот почему Доди не пришла.

Роуз пожала плечами:

– Возможно. Но полной уверенности у меня нет. Она со мной не связывалась. Я и не ждала, что свяжется, – телефон-то не работает.

Барби предположил, что она говорит о проводной связи, но с кухни слышал, как люди жаловались и на плохую работу

мобильников. Большинство видели причину в том, что все звонили одновременно, перегружая сеть. Некоторые винили телевизионщиков с их сотнями «Моторол», «Нокий», айфонов и блэкберри. Барби подозревал другое: в период, когда страна охвачена паранойяльной боязнью терроризма, вроде как возникла угроза национальной безопасности, и все схватились за мобильники. Некоторые звонки еще проходили, но к ночи все реже и реже.

– В пустую голову Доди вполне могла прийти мысль плюнуть на работу и поехать в торговый центр Обурна.

– Мистер Сандерс знает, что Клодетт была в самолете?

– Точно сказать не могу, но очень бы удивилась, если еще нет. – Тут она нараспев процитировала знакомые Барби слова: – «Наш город мал – его судьбу мы вместе делим».

Он улыбнулся и ответил продолжением:

– «И за команду за одну мы все болеем».

Прошлым летом эта старая песня Джеймса Макмертри загадочным образом на два месяца стала очень популярной на паре радиостанций Западного Мэна. Разумеется, не на ХНВ: Джеймс Макмертри не относился к тем певцам, творчество которых одобряло Иисусово радио.

Роуз указала на картофель фри:

– Есть еще будешь?

– Нет. Потерял аппетит.

Барби не питал особой любви ни к всегда улыбающемуся Энди Сандерсу, ни к Доди-Тупице, которая определенно по-

могала своей лучшей подруге Энджи распускать слух, приведший к драке у «Дипперса». Но сама мысль о том, что те части тела (перед мысленным взором снова и снова возникала нога в зеленой брючине) принадлежали *матери* Доди… *жене* первого члена городского управления…

– Я тоже. – Роуз затушила сигарету в кетчупе. Послышалось шипение, и на мгновение Барби испугался, что его сейчас вырвет. Он даже отвернулся и посмотрел через окно-витрину на Главную улицу, хотя с этой точки ничего увидеть не мог. Только темноту.

– В полночь выступит президент, – объявил Энсон, продолжающий драить стойку.

Из кухни доносился низкий, протяжный стон посудомоечной машины. Барби подумал, что старина «Хобарт», возможно, трудится в последний раз и по крайней мере какое-то время будет простаивать. В этом ему предстояло убедить Роуз. Она могла поупираться, но, как женщина умная и практичная, быстро сообразит, что предложение дельное.

Мать Доди Сандерс, Господи. И какова вероятность такого?

Понял, что определенно не стремящаяся к нулю. Впрочем, на месте миссис Сандерс мог оказаться кто-то еще из его знакомых. «*Наш город мал, беби,* и за команду за одну мы все болеем».

– Мне сегодня президента не услышать, – откликнулась Роуз. – Ему придется благословлять Америку от имени Гос-

пода без меня. Пять утра наступает быстро. – По воскресеньям «Эглантерия» открывалась в семь, но к приходу первого посетителя следовало подготовиться. Как и всегда. По воскресеньям эта подготовка включала и выпечку булочек с корицей. – Вы, мальчики, оставайтесь и смотрите, если хотите. Только, когда будете уходить, убедитесь, что двери заперты. Передняя и черного хода. – Она начала подниматься.

– Роуз, нам надо поговорить о завтрашнем дне.

– Ду-удочки, завтра будет другой день. Давай на сегодня поставим точку, Барби. Всему свое время. – Но должно быть, она что-то увидела в его лице, поскольку вновь села. – Ладно, с чего такой мрачный вид?

– Когда тебе в последний раз привозили пропан?

– На этой неделе. Баллоны практически полные. Это все, что тебя волнует?

На такой вопрос он мог ответить отрицательно, но волнения его начинались именно с пропана. По его прикидкам получалось следующее. В «Эглантерии» стояли два соединенные друг с другом баллона. Каждый объемом триста двадцать пять или триста пятьдесят галлонов, точно он не помнил. Мог проверить утром, но, если исходить из слов Роуз, получалось, что в баллонах еще более шестисот галлонов пропана. И хорошо. Толика везения в крайне неудачный для города день. Но никто не знал, сколько еще им отмерено таких неудачных дней. И шестьсот галлонов пропана не могли расходоваться вечно.

– Сколько газа сгорает за день? – спросил он Роуз. – Хотя бы приблизительно?

– Да какое это имеет значение?

– Сейчас электричество вырабатывается генератором. Свет, плиты, холодильники, насосы. Он же обеспечит отопление, если ночью станет холодно. И работает генератор на пропане.

Какое-то время они молчали, прислушиваясь к ровному гудению почти что нового генератора «Хонда», установленного за рестораном.

Подошел Энсон Уилер, присел к столу.

– Генератор сжигает два галлона пропана в час, если работает на шестьдесят процентов мощности.

– Откуда ты знаешь? – спросил Барби.

– Прочитал на табличке, которая к нему крепится. Когда от него работает все, как у нас сегодня примерно с полудня, после отключения электричества, потребление возрастает до трех галлонов, может, и чуть больше.

Роуз отреагировала мгновенно:

– Энс, выключи свет везде, кроме кухни. И установи термостат отопительного котла на пятьдесят градусов[25]. – Она задумалась. – Нет, отключи котел совсем.

Барби улыбнулся и вытянул перед собой обе руки с поднятыми вверх большими пальцами. Она поняла. Не все в Милле могли понять. Не все захотели бы понять.

---

[25] Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, температура по Фаренгейту.

– Ладно. – На лице Энсона отражалось сомнение. – Но вам не кажется, что завтра утром… самое позднее, во второй половине дня…

– Президент Соединенных Штатов собирается выступить по телевидению, – прервал его Барби. – В полночь. И что ты думаешь по этому поводу, Энс?

– Я думаю, мне лучше выключить свет.

– И не забудь про термостат, – вставила Роуз, а когда Энси ушел, повернулась к Барби. – Я сделаю то же самое, когда поднимусь к себе. – Уже десять лет как овдовев, она жила над рестораном.

Барби кивнул. Перевернул бумажную салфетку с надписью на лицевой стороне «ВЫ ПОСЕТИЛИ ЭТИ 20 ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ МЭНА?» – и начал писать на обратной стороне. Двадцать семь или тридцать галлонов пропана сгорели после возникновения барьера. То есть оставалось пятьсот семьдесят. Сократив расход газа до двадцати пяти галлонов в день, теоретически удалось бы растянуть имеющийся в наличии пропан на три недели. Уменьшение расхода до ежедневных двадцати галлонов – и, вероятно, Роуз могла это сделать, закрывая ресторан между завтраком и обедом и между обедом и ужином, – растянуло бы работу «Эглантерии» чуть ли не на месяц.

И этого достаточно, подумал Барби. *Потому что готовить будет не из чего, если город и через месяц останется отрезанным от внешнего мира*.

– О чем думаешь? И что это за числа? Я не понимаю, что они означают.

– Потому что они для тебя перевернутые. – Барби вдруг понял, что сейчас в городе, возможно, все предпочитали смотреть на перевернутые цифры. Мало кому хватало духа развернуть их к себе как положено.

Роуз развернула. Пробежалась взглядом по числам. Потом подняла голову и, потрясенная, уставилась на Барби. Энсон к тому времени погасил большую часть ламп, так что они смотрели друг на друга в сумраке, который казался, по крайней мере Барби, предзнаменованием грядущих неприятностей. В этом городе они действительно могли попасть в серьезную передрягу.

– Двадцать восемь дней? – переспросила Роуз. – Ты думаешь, мы должны все распланировать на *четыре недели*?

– Я не знаю, должны мы или нет, но в Ираке кто-то дал мне «Маленькую красную книжицу» председателя Мао. Я всюду носил ее с собой, прочитал от корки до корки. Во многих цитатах больше здравого смысла, чем в самых разумных словах наших политиков. И вот что я запомнил среди прочего: «Надейся на солнечный свет, но строй дамбы». Я думаю, что мы… то есть ты…

– Мы, – поправила она Барби и коснулась его руки. Он накрыл ее сверху своей, сжал.

– Хорошо, мы. Я думаю, мы должны все распланировать на этот срок. Никакой выпечки, хотя я люблю булочки с ко-

рицей не меньше любого другого, никакой посудомоечной машины. Она старая и потребляет много энергии. Я знаю, Доди и Энсону идея мыть посуду вручную не понравится…

– Не думаю, что мы можем рассчитывать на возвращение Доди в ближайшее время, раз уж ее мать погибла. – Роуз вздохнула. – Я просто надеюсь, что она поехала в Торговый центр Обурна. Хотя, наверное, завтра об авиакатастрофе все равно напишут во всех газетах.

– Возможно. – Барби понятия не имел, как много информации будет уходить из Честерс-Милла и попадать в него, если не найдется более-менее рационального объяснения случившемуся и ситуация не разрешится в самом скором времени. Скорее всего не так чтобы много. Он подумал, что знаменитый Колпак тишины Максвелла Смарта[26] опустится очень скоро, если уже не опустился.

Энсон вернулся к столу, за которым сидели Барби и Роуз. Уже в куртке.

– Ничего, если я пойду, Роуз?

– Конечно. Завтра в шесть.

– Не поздновато ли? – Он усмехнулся и добавил: – Только не подумай, что я жалуюсь.

– Мы теперь будем открываться позже. – Роуз замялась. – И закрываться в промежутках между завтраком, обедом и

---

[26] Максвелл Смарт – герой комедийного шпионского сериала «Напряги извилины». Колпак тишины – две прозрачные пластмассовые полусферы, которые опускались на героя.

ужином.

– Правда? Клево. – Его взгляд сместился на Барби. – Тебе есть где переночевать? А то можешь пойти ко мне. Сейда поехала в Дерри навестить родителей. – Он говорил про свою жену.

Барби было где переночевать – практически на другой стороне улицы.

– Спасибо, но я вернусь в свою квартиру. У меня заплачено до конца месяца, так почему нет? Я оставил ключи Петре Сирлс в аптеке, когда уходил утром, но на брелоке у меня остался дубликат.

– Ладно. Увидимся утром, Роуз. Ты придешь, Барби?

– Будь уверен.

Энсон широко улыбнулся:

– Отлично!

Когда он ушел, Роуз потерла глаза, потом мрачно посмотрела на Барби:

– И надолго это затянется? Как думаешь?

– Ничего не могу сказать, поскольку понятия не имею, что произошло. И не знаю, когда это перестанет происходить.

– Барби, ты меня пугаешь, – прошептала Роуз.

– Я сам напуган. Нам обоим пора спать. Может, утром все будет выглядеть не таким ужасным.

– После такого разговора мне, наверное, придется принять амбиен, чтобы уснуть, пусть я и жутко устала. Но я так рада, что ты вернулся.

Барби вспомнил, что он думал и о продуктах.

– Вот что еще. Если «Мир еды» завтра откроется…

– Он всегда работает по воскресеньям. С десяти до шести.

– *Если* он откроется, тебе придется поехать за продуктами.

– Но «Сиско» все привозит… – она замолчала, в ужасе уставилась на него, – по вторникам. Правда, теперь мы не можем на это рассчитывать, так? Разумеется, не можем.

– Не можем. Даже если все вдруг выправится, армия будет еще какое-то время держать этот город на карантине.

– И что мне покупать?

– Все, но особенно мясо. Мясо, мясо и мясо. Если только магазин откроется. Я в этом не уверен. Джим Ренни сможет убедить тамошнего управляющего, уж не знаю, кто он…

– Джек Кейл. Он стал управляющим, когда Эрни Кэлверт в прошлом году ушел на пенсию.

– Так вот, Ренни сможет убедить его закрыться до последующего уведомления. Или прикажет чифу Перкинсу держать магазин под замком.

– Ты не знаешь? – спросила Роуз и добавила в ответ на его недоуменный взгляд: – Ты не знаешь. Герцог Перкинс мертв, Барби. Умер там. – Она указала на юг.

Барби ошеломленно уставился на нее.

Энсон не удосужился выключить телевизор, и за их спиной Вольфи, любимчик Роуз, вновь рассказывал миру о том, что неведомая сила отрезала маленький городок в Западном

Мэне, территория изолирована армией Соединенных Штатов, в Вашингтоне проходит заседание Объединенного комитета начальников штабов, президент обратится к нации в полночь, а пока просит американский народ молиться вместе с ним за скорейшее спасение жителей Честерс-Милла.

3

– Папа! Папа!

Ренни-младший стоял на верхней ступеньке лестницы, склонив голову набок. Прислушиваясь. Ни ответа, ни звука работающего телевизора. Отец всегда приходил домой после работы и в это время сидел перед телевизором. По субботним вечерам отказывался от Си-эн-эн или «Фокс ньюс» в пользу каналов «Энимал плэнит» или «История». Но не сегодня. Младший послушал свои часы, чтобы убедиться, что они тикают. Тикали и вроде бы показывали правильное время, потому что за окнами стемнело.

В голову пришла жуткая мысль: Большой Джим сейчас с чифом Перкинсом. Они обсуждают, как арестовать Младшего без лишнего шума. А почему они ждали так долго? Для того, чтобы вывезти его из города под покровом темноты. Переправить в окружную тюрьму в Касл-Рок. Потом суд. А потом?

Шоушенк. Через несколько проведенных там лет он, вероятно, начнет называть тюрьму просто Шенк, как и все убийцы, грабители и содомиты.

– Это глупо, – прошептал Младший, но глупо ли? Он проснулся, думая, что убийство Энджи – сон, и никак иначе. Потому что он никогда никого бы не убил. Избить – пожалуйста, но *убить*? Он же… ну… это… *нормальный человек*!

Потом посмотрел на одежду под кроватью, увидел кровь, и все вернулось. Полотенце, свалившееся с ее волос. Волосы на лобке, которые каким-то образом вывели его из себя. Хруст, донесшийся из ее головы после того, как он двинул коленом ей в лицо. Дождь посыпавшихся с холодильника магнитов. Как она билась на полу в судорогах.

Но это сделал не я. Это сделала…

Головная боль.

Да. Правда. Но кто в это поверит? Его шансы выше не станут, скажи он, что убийца – дворецкий[27].

– Папа?

Нет ответа. Отца дома нет. И его нет в полицейском участке, не строит он там козни против него. Отец на такое не пойдет. Никогда. Его отец всегда говорил: семья превыше всего.

Но всегда ли семья на первом месте? Разумеется, отец так говорил – он христианин, и ему принадлежит половина акций радиостанции ХНВ. Но Младший почему-то думал, что для его отца салон подержанных автомобилей может стоять выше семьи, а должность второго члена городского управления – выше этого храма торговли, где проповедовался принцип «Без первоначального взноса».

А Младший – вполне возможно – только третий в списке приоритетов.

---

[27] «Это сделал дворецкий» – известная в англоязычных странах поговорка, смысл которой примерно соответствует российскому «во всем виноват стрелочник».

Он осознал (впервые в жизни его действительно осенило), что все это лишь догадки, что в действительности он совершенно не знает своего отца.

Младший вернулся в свою комнату и включил верхний свет. Лампы загорелись, но как-то странно, то ярко вспыхивали, то становились тусклыми. На мгновение Младший подумал, что его подводят глаза, но потом услышал тарахтение установленного во дворе генератора. Работали генераторы и в других домах. Что-то случилось с централизованной подачей электроэнергии. Младший ощутил безмерное облегчение. Авария в системе подачи электроэнергии объясняла все. Отец, конечно же, в муниципалитете, в зале заседаний, обсуждает ситуацию с другими двумя идиотами, Сандерсом и Гриннел. Возможно, втыкает булавки в карту города, как генерал Джордж Паттон. Кричит по телефону на диспетчера «Энергетической компании Западного Мэна», обзывает их стадом ёханых бездельников.

Младший вытащил из-под кровати окровавленную одежду, достал из карманов бумажник, мелочь, ключи, расческу, лекарства от головной боли – рассовал по карманам чистых джинсов. Поспешил вниз, сунул изобличающую его одежду в стиральную машину, установил на стирку в горячей воде, потом вспомнил, как мать говорила ему, наверное, еще десятилетнему: для пятен крови – холодная вода. Поворачивая диск на «Холодная стирка/Холодное полоскание», Младший вдруг задался вопросом: начал ли его отец уже тогда трахать

секретуток или еще использовал свой ёханый пенис только дома?

Включил стиральную машину и подумал, что делать дальше. Головная боль ушла, и он обнаружил, что *может* думать.

Решил, что все-таки должен вернуться в дом Энджи. Не хотел – Бог свидетель, этого ему хотелось меньше всего на свете, – но, вероятно, следовало разведать обстановку. Пройти мимо и посмотреть, много ли там полицейских автомобилей. Стоит или не стоит фургон экспертов-криминалистов из лаборатории округа Касл. Эксперты – ключевой момент. Он это знал по телесериалу «Место преступления». Ему уже доводилось видеть этот большой бело-синий фургон, когда он ездил с отцом в окружной суд. И если бы фургон стоял у дома Маккейнов…

Я сбегу.

Да, быстро и как можно дальше. Но до того ему пришлось бы вернуться домой и заглянуть в сейф, который стоял в кабинете отца. Тот понятия не имел, что сыну известен код, открывающий замок сейфа, но Младший его знал. Как и пароль, позволяющий войти в отцовский компьютер (что открыло ему папин интерес к лицезрению орео-секса, так это называли Младший и Френк Дилессепс: две черные телки, один белый парень). А в сейфе лежали деньги. Тысячи и тысячи долларов.

А если я увижу фургон, вернусь сюда, а отец – дома?

Значит, деньги сначала. Деньги немедленно.

Он прошел в кабинет и на мгновение вроде бы увидел отца, сидевшего на стуле с высокой спинкой, на котором тот сидел всегда, когда смотрел новости или передачи о природе. Он заснул или… а если у него случился инфаркт? Последние три года у Большого Джима то и дело возникали нелады с сердцем, по большей части аритмия. Он обычно шел в «Кэтрин Рассел», и док Хаскел или док Рейберн что-то ему давали, приводя в норму. Хаскел полагал, что так может продолжаться вечно, но Рейберн (которого отец называл «ёханый яйцеголов») в конце концов настоял на том, чтобы Большой Джим поехал к кардиологу в Центральную городскую больницу в Льюистон. Кардиолог сказал, что нужна операция, которая позволит раз и навсегда избавиться от аритмии. Большой Джим (он до смерти боялся больниц) ответил, что сначала должен посоветоваться с Богом. Должен провести *молитвенную операцию*, так это назвал. А пока он принимал таблетки и последние несколько месяцев вроде бы чувствовал себя прекрасно, но теперь… возможно…

– Папа?

Ответа не последовало. Младший щелкнул выключателем. Люстра давала такой же неровный свет, как и в его комнате, но прогнала тень, которую Младший принял за голову отца. Он бы не сильно горевал, если б отец окочурился, но порадовался, что сегодня этого не случилось. Слишком много возникло бы сложностей.

К стене, в которую вмонтировали сейф, он приблизился большими мягкими шагами, прямо-таки с мультяшной осторожностью, то и дело посматривая на окно: не осветят ли его автомобильные фары, возвещающие о возвращении отца. Младший снял и поставил на пол картину, закрывающую сейф (Иисус, произносящий Нагорную проповедь), и набрал нужную комбинацию. Ему пришлось проделать это дважды, прежде чем ручка повернулась – очень уж сильно тряслись пальцы.

Он увидел, что сейф набит наличными и пачками листов из плотной, похожей на пергамент, бумаги со штампами «ОБЛИГАЦИИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ» на каждой пачке. Младший тихонько присвистнул. Когда он в последний раз открывал сейф – чтобы позаимствовать пятьдесят баксов перед поездкой на прошлогоднюю Фрайбургскую ярмарку, – денег в сейфе хватало, но сейчас их заметно прибавилось. И тогда он не видел никаких «ОБЛИГАЦИЙ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ». Подумал о надписи на табличке, которая стояла на столе отца в его салоне: «ИИСУС ОДОБРИЛ БЫ ЭТУ СДЕЛКУ?» Даже охваченный смятением и страхом, Младший успел задаться вопросом: а одобрил бы Иисус то, чем занимался его отец в последнее время?

– Нечего лезть в его дела, мне хватает своих, – прошептал он. Взял пятьсот баксов купюрами по пятьдесят и двадцать долларов, начал закрывать сейф, передумал, добавил несколько сотенных. Учитывая просто непристойное коли-

чество денег, которые сейчас лежали в сейфе, отец кражи и не заметит. А если заметит, вероятно, поймет, почему Младший взял эти деньги. И возможно, даже одобрит. Как любил говорить Большой Джим: «Господь помогает тем, кто помогает себе сам».

Под влиянием этих слов Младший помог себе еще четырьмя сотенными. Потом закрыл сейф, запер, сместив диски наборного замка, повесил Иисуса на стену. Схватил куртку из стенного шкафа в прихожей и вышел из дома под рычание генератора и мерное гудение «Мейтэга», отмывающего кровь Энджи от его одежды.

4

У дома Маккейнов он никого не увидел.

Ни единой злогребучей души.

Младший затаился на другой стороне улицы, под изредка падающими кленовыми листьями, гадая, может ли доверять тому, что видит: дом темный, ни «фо-раннера» Генри Маккейна, ни «приуса» Ладонны на подъездной дорожке нет. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, чересчур хорошо.

Может, они находились на городской площади? В этот вечер там собралось очень много людей. Возможно, они обсуждали прекращение подачи электроэнергии, хотя Младший не мог припомнить подобные сборища в тех редких случаях, когда огни гасли по всему городу. Люди просто шли домой и ложились спать в полной уверенности – если, конечно, не бушевала сильнейшая гроза, – что к завтраку подачу электричества восстановят.

Может, прекращение подачи электроэнергии вызвано чрезвычайным происшествием, о каких сообщают в экстренных выпусках новостей, прерывая запланированные передачи? Младший смутно припомнил: некий старик спрашивал его, что происходит, вскоре после того, как нечто чрезвычайное случилось с Энджи. Но так или иначе, по пути к дому Маккейнов Младший не решился с кем-либо заговорить. Прошел по Главной улице, опустив голову и подняв ворот-

ник (чуть не столкнулся с Энсоном Уилером, когда Энс выходил из «Эглантерии»). Уличные фонари не горели, помогая ему держаться в тени, никому не попадаясь на глаза. Еще один подарок богов.

И теперь это. Третий подарок. *Невероятный* подарок. Неужто тело Энджи до сих пор не обнаружили? Или ему расставили ловушку?

Младший мог представить себе, как шериф округа Касл или детектив полиции штата говорит: *Нам надо только спрятаться и ждать, парни. Убийца всегда возвращается на место преступления. Это общеизвестный факт*.

Телевизионная чушь. И однако, переходя улицу, Младший каждую секунду ожидал, что вот-вот вспыхнут лучи мощных фонарей и пришпилят его к темноте, как бабочку иголкой пришпиливают к бумаге, и кто-то закричит, вероятно, в мегафон: «Стой на месте и подними руки!»

Ничего такого не произошло.

Когда он ступил на подъездную дорожку Маккейнов, сердце выпрыгивало из груди, а кровь стучала в висках (но голова не болела, он расценивал это как добрый, добрый знак). Дом оставался темным и тихим, даже генератор не тарахтел. А у соседей, Гриннелов, еще как тарахтел.

Младший оглянулся и увидел огромный световой пузырь, возвышающийся над деревьями. Светилось что-то на южной окраине города, может, и в Моттоне. Из-за этого свечения и вырубилось электричество? Очень может быть.

Он подошел к двери черного хода. Парадная дверь оставалась незапертой. Если никто не заходил в дом после случившегося с Энджи, то и Младший не хотел заходить через парадную дверь. Он бы зашел, если б пришлось, но, может, удастся этого избежать. В конце концов, ему пока везло.

Ручка двери повернулась.

Младший сунул голову на кухню и сразу ощутил запах крови – похожий на запах распыленного крахмала, только более спертый.

– Эй! Привет! Есть кто-нибудь дома?! – Он не сомневался, что никого нет, но, если бы благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств Генри или Ладонна припарковались около городской площади и вернулись домой пешком (и потом не обнаружили труп дочери, лежащий на кухонном полу), он бы закричал. Да! Закричал и «обнаружил этот самый труп». Фургон с криминалистами все равно бы приехал, но Младший выиграл бы время. – Привет? Мистер Маккейн? Миссис Маккейн? – Тут его озарило. – Энджи? Ты дома?

Разве он стал бы ее звать, если сам и убил? Разумеется, нет! Но ужасная мысль прострелила голову: *А если она отзовется? Отзовется с пола? Слова вырвутся из залитого кровью горла?*

– Держи себя в руках, – пробормотал Младший. Да, он должен держать себя в руках, но как это трудно. Особенно в темноте. А кроме того, в Библии такое случалось сплошь

и рядом. В Библии люди иногда возвращались к жизни, как зомби в фильме «Ночь живых мертвецов». – Есть кто-нибудь дома?

Ни ответа, ни привета.

Его глаза адаптировались к густому сумраку, но видел он далеко не все, ему требовался свет. Конечно, следовало взять из дома фонарик, но такие мелочи забываются, если ты давно уже привык к тому, чтобы щелчок выключателя прогонял темноту.

Младший пересек кухню, переступив через тело Энджи, открыл первую из двух дверей в дальней стене. Кладовка. Различил полки, уставленные бутылками и банками. Открыл вторую дверь, и тут ему повезло больше. Прачечная. А на полке справа, если он не ошибся, если ему продолжало везти, вроде бы силуэт столь необходимого предмета.

Он не ошибся. Фонарь – и яркий. Младший понимал, что на кухне им придется пользоваться с осторожностью (тут же в голову пришла очередная дельная мысль – надо задвинуть шторы), но в прачечной он мог светить куда угодно. Здесь луч никто бы не увидел.

Стиральный порошок. Отбеливатель. Кондиционер. Ведро и тряпку «Свиффер». Генератор не работал, так что можно было рассчитывать только на холодную воду. Младший полагал, что из кранов удастся наполнить хотя бы одно ведро, а уж потом придется брать воду из различных туалетных бачков. И ему требовалась именно холодная вода. Кровь

лучше отмывалась холодной водой.

И он примется за уборку, будто домашняя хозяйка-чистоплюйка, какой в свое время была его мать, помня о наставлении мужа: «Чистый дом, чистые руки, чистое сердце». Он намеревался смыть всю кровь. Потом протереть те места, к которым он прикасался или мог прикоснуться. Но сначала…

Тело. Что-то надо сделать с телом.

Младший решил, что на ближайшее время сойдет и кладовая. Ухватил труп за руки и поволок. В кладовой отпустил руки, и они с легким стуком упали на пол. Покончив с этим, приступил к другим делам. Напевая себе под нос, вернул на дверцу холодильника все магниты, потом задернул шторы. Из-под крана заполнил ведро чуть ли не доверху, прежде чем оттуда пошел воздух. Так что ему опять повезло.

Он все еще тер пол, и тереть его, похоже, предстояло долго, когда раздался стук во входную дверь дома.

Младший поднял голову, глаза широко раскрылись, губы оттянулись в гримасе ужаса.

– Энджи?! – Голос девушки, и она плакала. – Энджи, ты дома? – Вновь стук, потом дверь открылась. Видать, его везение закончилось. – Энджи, пожалуйста, будь дома. Я видела твой автомобиль в гараже…

Черт. Гараж! Он и не подумал проверить гребаный гараж!

– Энджи! – Снова плач. И голос знакомый. Господи, неужели дебилка Доди Сандерс? Она самая. – Энджи, она сказала, что моя мать *мертва*! Миз Шамуэй сказала, что она

погибла!

Младший надеялся, что Доди пойдет наверх, проверить комнату Энджи. Но она прямиком направилась на кухню, в темноте двигаясь медленно и осторожно.

– Энджи? Ты на кухне? Мне показалось, там свет.

У Младшего вновь начала болеть голова, и все благодаря этой лезущей не в свои дела, курящей травку суке. И что бы ни случилось после этого… вина все равно ляжет на нее.

5

Днем Доди Сандерс и покурила, и выпила. Травка и алкоголь еще не выветрились, но она уже мучилась похмельем. Ее мать погибла. Теперь Доди в темноте пересекала прихожую дома своей лучшей подруги. Наступила на что-то непонятное, это что-то заскользило под ногой. Доди схватилась за перила лестницы; больно ударившись двумя пальцами, вскрикнула. Она смутно понимала, что все это происходит с ней, но верить в такое отказывалась. У Доди было чувство, будто она находится в некоем параллельном измерении, как в фантастическом фильме.

Она наклонилась, чтобы посмотреть, что попало под ноги. Похоже, полотенце. Какой-то дурак оставил полотенце на полу в прихожей. Потом Доди вроде бы услышала, что кто-то двигается в темноте. На кухне.

– Энджи, это ты? – Ответа не получила. Но все равно чувствовала – там кто-то есть, а может, и нет. – Энджи! – Шаркая ногами, двинулась дальше, прижимая к боку правую руку, пульсирующую от боли; пальцы наверняка опухнут, думала она, уже начали опухать. Левую руку Доди вытянула перед собой, ощупывая темноту. – Энджи, пожалуйста, будь здесь! Моя мама мертва, это не шутка, миз Шамуэй сказала мне, и она не шутила, ты мне *нужна*!

А день начался так хорошо. Она поднялась рано (ну… в

десять для нее рано) и не собиралась прогуливать работу. Потом позвонила Саманта Буши и сказала, что купила на аукционе и-бэй новых Брэтцев[28], и не хочет ли Доди приехать, чтобы их помучить? Пытками кукол они занимались в старшей школе – покупали на распродажах, потом вешали, вколачивали гвозди в их глупые головы, обливали бензином для зажигалок, а потом поджигали. Но Доди знала, что им пора бросить эти забавы, они уже стали почти что взрослыми. Пытки кукол – детские игры. Хотя и от них мурашки бежали по коже. У Сэмми было собственное жилье на Моттон-роуд – всего лишь трейлер, но она жила там одна с весны, когда ушел ее муж, – и Литл Уолтер спал практически круглые сутки. Плюс у Сэмми всегда была потрясающая травка. Доди догадывалась, что та достается ей от парней, с которыми она веселилась. По уик-эндам ее трейлер пользовался популярностью. Но так уж вышло, Доди зареклась курить травку. Больше никогда – после той истории с поваром. «Никогда» продолжалось чуть больше недели, до звонка Сэмми.

«Я отдам тебе Джейд и Ясмин, – заманивала ее подруга. – Опять же у меня есть отличная знаешь-что. – Она всегда так говорила, чтобы тот, кто мог подслушивать, не понял, о чем речь. – И мы можем заняться знаешь-чем».

Доди знала, чем они могли заняться, и даже почувствовала легкий зуд Там Внизу (в знаете-в-чем), пусть даже это то-

---

[28] «Брэтц» – кукольный набор, в который сначала входили четыре куклы – Ясмин, Хлоя, Саша и Джейд.

же была детская забава, на которой им давно следовало поставить крест.

«Пожалуй, что нет, Сэм. Мне в два часа на работу, и…»

«Ясмин ждет, – напомнила Сэмми. – А ты ведь ненавидишь эту сучку».

Тут она сказала правду. По мнению Доди, из всех Брэтцев не было большей сучки, чем Ясмин. Да и до работы оставалось почти четыре часа. А если б она чуть припозднилась, что с того? Роуз уволила бы ее? Да кто еще пойдет на эту говенную работу?

«Ладно. Только ненадолго. И лишь потому, что я ненавижу Ясмин. – Сэмми хохотнула, услышав эти слова. – Но я больше не занимаюсь знаешь-чем. Ни одним, ни другим».

«Нет проблем. Приезжай побыстрее».

Доди приехала, и, само собой, выяснилось, что пытать Брэтцев не в кайф без косячка, а потому она немного курнула травки, как и Сэмми. На пару они сделали Ясмин пластическую операцию очистителем для труб, получив от этого немалое удовольствие. Потом подруга захотела показать свою новую кофту, и, хотя Сэмми отрастила приличный животик, для Доди она по-прежнему выглядела очень даже ничего, возможно, потому, что они чуть заторчали, – если по-честному, обкурились. И раз уж Литл Уолтер по-прежнему спал (его отец настаивал, что назвал его так в честь блюзме-

на давно ушедших дней, и Доди предполагала, что чересчур сонливый Литл Уолтер – умственно недоразвитый, и удивляться этому не приходилось, если вспомнить, сколько травки выкурила Сэм, когда вынашивала его), они оказались в кровати Сэмми, занимаясь знаете-чем. Потом они крепко заснули, а когда Доди проснулась, Литл Уолтер орал как резаный и уже шел шестой час. Ехать на работу смысла не было, а кроме того, Сэм достала бутылку «Черного Джонни Уокера». Они выпили одну стопку, вторую стопку, третью стопку, четвертую, и Сэмми захотела посмотреть, что будет с младенцем-Брэтцем, если сунуть куклу в микроволновку, да только электричество отключили.

Доди ползла в город со скоростью шестнадцать миль в час, все еще пьяная и обкуренная, в диком страхе, постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора, а нет ли на хвосте копов. Точно знала, если ее остановят, это будет рыжеволосая сука Джекки Уэттингтон. Боялась она увидеть и отца, который мог пораньше уйти с работы и унюхать спиртное в ее дыхании, или мать, – та наверняка осталась дома, слишком устав после этого идиотского летного урока, чтобы идти играть в бинго.

Пожалуйста, взмолилась она, *Господи, пожалуйста, позволь мне в этот раз выйти сухой из воды, и я буду обходить знаешь-что стороной. И первое, и второе. Больше никогда в жизни.*

Бог услышал молитву Доди. Ее встретил пустой дом, элек-

тричество вырубилось и здесь, но в своем полубредовом состоянии Доди этого и не заметила. Она прокралась наверх, к себе в комнату, скинула брюки и рубашку, улеглась в кровать. Только на несколько минут, сказала она себе. А потом соберет одежду, которая пропахла сладковатым дымом, бросит в стиральную машину, а сама встанет под душ. От нее разило духами Сэмми, которые та, должно быть, покупала галлонами в «Универмаге Берпи».

Она не поставила будильник, и, когда ее разбудил стук в дверь, за окном уже стемнело. Доди схватила халат и спустилась вниз, в полной уверенности, что, открыв дверь, увидит эту рыжеволосую стерву с большими буферами, которая пришла, чтобы арестовать ее за управление автомобилем под газом. А может, и за вылизывание киски. Доди не думала, что это конкретное знаете-что запрещено законом, но полной уверенности у нее не было.

Но на пороге стояла не Джекки Уэттингтон, а Джулия Шамуэй, редактор-издательница «Демократа». В руке она держала фонарик. Осветила лицо Доди – опухшее ото сна, с красными глазами, с всклоченными волосами, – а потом направила луч вниз. Но света хватало, чтобы Доди увидела сочувствие, написанное на лице Джулии, и ощутила замешательство и страх.

– Бедное дитя, – начала Джулия. – Ты не знаешь, да?

– Не знаю чего? – спросила Доди. Тогда и возникло ощущение, что она в параллельном мире. – Не знаю чего?

И Джулия Шамуэй ответила на ее вопрос.

6

– Энджи! Энджи, пожалуйста!

Она плелась по коридору. Рука пульсировала от боли. Голова пульсировала. Она могла бы поискать отца – миз Шамуэй предложила отвезти ее в «Похоронное бюро Боуи», – но кровь стыла в жилах от одной мысли об этом месте. А кроме того, ей хотелось побыть с Энджи. С Энджи, которая крепко обняла бы ее без всякого интереса к знаете-чему. С Энджи, которая была ее лучшей подругой.

Тень выступила из кухни и стремительно двинулась к ней.

– Это ты, слава Богу! – Она зарыдала еще сильнее и устремилась к тени, вытянув перед собой руки. – Ох, это ужасно! Меня наказывают за то, что я плохая девочка. Я знаю, что плохая!

Темная фигура тоже вытянула руки, но они не обняли Доди, чтобы прижать к себе. Вместо этого сомкнулись на ее шее.

На благо города, на благо горожан

1

Энди Сандерс находился в «Похоронном бюро Боуи». Пришел туда с тяжелой ношей: недоумением, горем, разбитым сердцем.

Сидел в Зале прощания номер 1 в компании с гробом, который стоял в передней части комнаты. Гертруда Эванс, восьмидесяти семи лет (может, восьмидесяти восьми), умерла от застойной сердечной недостаточности двумя днями раньше. Энди уже выразил соболезнования, хотя один только Бог знал, кто мог прочитать его письмо: муж Герты уже десять лет как ушел из жизни. Но значения это не имело. Энди всегда отправлял письмо с соболезнованиями, если умирал кто-то из его избирателей. Писал от руки, на фирменном бланке с шапкой: «ОТ ПЕРВОГО ЧЛЕНА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ». Считал это частью своих обязанностей.

Большой Джим на такое не разменивался. Большой Джим слишком много времени тратил на управление, как он это называл, «нашим бизнесом», то есть Честерс-Миллом. Руководил им, как частной железной дорогой, если уж придерживаться фактов, но Энди не возражал: он понимал, что Большой Джим *умен*. Энди понимал и кое-что еще: без Эндрю

Делуи Сандерса Большого Джима не выбрали бы и ловцом бродячих собак. Большой Джим мог продавать автомобили, обещая выгодные сделки, низкие-низкие проценты и подарки вроде дешевых корейских пылесосов, но, когда он попытался стать дилером «Тойоты», компания отдала предпочтение Уиллу Фримену. С учетом результатов продаж и местоположения салона на шоссе номер 119 Большой Джим не мог понять, почему «Тойота» так сглупила.

Энди мог. Он, конечно, не считал себя самым умным медведем в лесу, но знал, что у Большого Джима нет душевной теплоты. Второй член был жестким человеком (некоторые из тех, кто купился на низкие-низкие проценты, сказали бы, жестокосердным). Он умел убеждать, но от него так и веяло холодом. А вот Энди мог поделиться теплом. Общаясь с избирателями в ходе предвыборной кампании, Энди говорил им, что он и Большой Джим – мятные близняшки[29], Клик и Клэк[30], ореховое масло и желе и Честерс-Милл не будет прежним, если они на пару не станут тянуть воз (в компании с кем-то третьим, на этот раз с Андреа Гриннел, сестрой Роуз Твитчел). Энди наслаждался партнерством с Большим Джимом. Оно приносило немалые деньги, особенно – последние два-три года, и в этом партнерстве ему нравилось все. Большой Джим знал, как что делается, а главное, знал, почему

[29] Рекламный образ жевательной резинки «Даблминт/Двойная мята».

[30] Имеются в виду братья Том и Рей Мальоцци, ведущие еженедельной программы на радио.

это надо сделать. «Мы впряглись всерьез и надолго, – говорил Большой Джим. – Мы делаем это для нашего города. Для людей. Ради их блага». Энди нравились такие слова. Это же приятно, делать добрые дела.

Но сейчас… нынешним вечером…

– Я с самого начала ненавидел эти летние уроки, – вырвалось у него, и он вновь заплакал. Потом уже громко зарыдал, но мог не стесняться, потому что Бренда Перкинс ушла в молчаливых слезах, постояв у тела мужа, а братья Боуи находились в подвале. Их завалило работой (Энди понимал, пусть и смутно, что случилось нечто ужасное). Ферн Боуи уходил в «Эглантерию», чтобы наскоро перекусить, а когда вернулся, Энди не сомневался, что его выпроводят за дверь. Но Ферн прошел по коридору, даже не взглянув на Энди, который сидел, зажав руки между колен, со сбившимся галстуком и с растрепанными волосами.

Ферн спустился в «мастерскую», как они это называли на пару с братом Стюартом (ужасно, ужасно!), Герцог Перкинс тоже находился внизу. А также этот чертов Чак Томпсон, который, возможно, не уговаривал Клодетт брать летные уроки, но точно не отговаривал ее от них. Возможно, там были и другие.

Клодетт – точно.

Энди с всхлипом застонал и еще сильнее сцепил пальцы. Он не мог жить без нее, просто не мог жить без нее. И не только потому, что любил больше жизни. Именно Клодетт

(вместе с регулярными, нигде не учитываемыми и постоянно возрастающими финансовыми вливаниями Джима Ренни) держала на плаву его аптечный магазин. Если бы Энди управлял им самостоятельно, то стал бы банкротом до наступления нового тысячелетия. Его конек – человеческие отношения, а не счета и бухгалтерия. На этом специализировалась его жена. Точнее, раньше специализировалась.

«Раньше» новой болью отдалось в сердце. Энди опять застонал.

Клодетт и Большой Джим однажды даже объединили усилия, чтобы подкорректировать городскую финансовую документацию, когда штат решил ее проверить. Предполагалось, что проверка будет внезапной, но Большого Джима предупредили заранее. Не так чтобы задолго, но им хватило времени, чтобы поработать с компьютерной программой, которую Клодетт называла «МИСТЕР ЧИСТИЛЬЩИК». Программе дали такое название, потому что после ее использования в документах не оставалось темных мест, которые могли вызвать подозрения аудиторов. Те признали членов городского управления белыми и пушистыми, вместо того чтобы отправить в тюрьму (и в этом проявилась бы крайняя несправедливость, поскольку в большей части своих деяний – если по-честному, практически во всех – они руководствовались благом города).

По сути, Клодетт Сандерс была более красивым Джимом Ренни, более добрым Джимом Ренни, тем Джимом Ренни, с

которым он мог спать и делиться секретами, и жизни без нее он себе не представлял.

Энди снова зарыдал, но тут Большой Джим положил ему руку на плечо и сжал пальцы. Энди не слышал, как тот подошел, но даже не вздрогнул. Он, можно сказать, ожидал, что эта рука ляжет ему на плечо: человек, которому она принадлежала, всегда появлялся в тот момент, когда Энди нуждался в нем больше всего.

– Я не сомневался, что найду тебя здесь. Энди… дружище, мне очень, очень жаль.

Энди вскочил, обнял внушительную талию Большого Джима и вновь зарыдал, вжавшись лицом в его пиджак.

– Я говорил ей, что эти уроки опасны! Я говорил ей, что Чак Томпсон – мерзавец, такой же, как и его отец!

Большой Джим потер ему спину успокаивающей ладонью.

– Я знаю. Но теперь она в лучшем месте, Энди… этим вечером обедает с Иисусом Христом… ест ростбиф, пюре из свежего горошка с подливой. Как тебе эта завораживающая мысль? Держись за нее. Думаешь, нам надо помолиться?

– Да! – Рыдание в очередной раз вырвалось из груди Энди. – Да, Большой Джим! Помолись со мной!

Они опустились на колени, и Большой Джим молился долго и усердно за упокой души Клодетт Сандерс. (Внизу, в мастерской, Стюарт услышал его, посмотрел в потолок и заметил: «Этот человек дрищет с обоих концов».)

После четырех-пяти минут «теперь мы видим как бы че-

рез тусклое стекло» и «когда я был младенцем, то по-младенчески говорил» (уместной последняя фраза Энди не показалась, но его это не заботило: он успокаивался только от того, что стоял на коленях рядом с Большим Джимом) Ренни закончил:

– *Ради Иисусааминь*, – и помог Энди подняться.

Лицом к лицу, грудь в грудь, Большой Джим сжал Энди бицепсы и заглянул в глаза.

– Итак, партнер, – он всегда называл Энди партнером, если возникала сложная ситуация, – ты готов приступить к работе?

Энди тупо смотрел на него.

Большой Джим понимающе кивнул, так, словно Энди высказал резонный (учитывая сложившиеся обстоятельства) протест.

– Я знаю, это трудно. Обращаюсь к тебе в неподходящее время. И ты будешь совершенно прав, Бог свидетель, если прямо сейчас врежешь мне в ёханую челюсть. Но иногда мы должны ставить на первое место благополучие других… или это не так?

– Благополучие города, – подтвердил Энди. И впервые после получения известия о гибели Клодетт перед ним забрезжил свет.

Большой Джим кивнул. Лицо оставалось серьезным, но глаза сверкали. И странная мысль пришла в голову Энди: *Он стал выглядеть на десять лет моложе*.

– Ты совершенно прав. Мы – хранители, партнер. Хранители общественного благополучия. Обязанность эта – не всегда легкая, но пренебрегать ею нельзя никогда. Я велел Уэттингтон разыскать Андреа и привести ее в зал заседаний. Если потребуется, в наручниках. – Большой Джим рассмеялся. – Она там будет. И Пит Рэндолф составляет список всех копов, которые находятся в его распоряжении. Их явно недостаточно. Мы должны подумать об этом, партнер. Если сложившаяся ситуация сохранится, власть станет ключевым моментом. Так что скажешь? Сможешь поддержать меня?

Энди кивнул. Он подумал, что городские дела помогут ему отвлечься от мыслей о погибшей жене. Если не помогут, Энди все равно следовало изобразить пчелку и жужжать. Его уже начало трясти от вида стоявшего рядом гроба Герты Эванс. Его уже трясло от молчаливых слез вдовы чифа. И особых усилий от него не требуется. Всего-то сидеть за столом и поднимать руку, когда Большой Джим поднимает свою. Андреа Гриннел, которая, похоже, никогда полностью не просыпалась, поступала так же. Если возникнет необходимость в принятии срочных мер, Большой Джим их предложит. Большой Джим ничего не упустит из виду.

– Пошли, – выдохнул Энди.

Большой Джим хлопнул его по спине, обхватил рукой тощие плечи Энди и вывел из Зала прощания. Это была тяжелая рука. Мясистая. Но Энди радовало, что она лежит у него на плечах.

О дочери он даже не подумал. Охваченный горем, Энди Сандерс совершенно забыл о ее существовании.

2

Джулия Шамуэй медленно шагала по улице Благополучия, где жили самые благополучные горожане, направляясь к Главной улице. Разведясь десять лет назад, она жила над редакцией «Демократа». Квартиру с ней делил Горас, почтенного возраста вельш-корги. Она назвала его в честь великого мистера Грили[31], которого помнили за единственный bon mot[32]: «Идите на Запад, молодой человек, идите на Запад»; хотя, по мнению Джулии, прославился он другим: работой редактора газеты. Если бы Джулия могла записать себе в заслуги половину того, что делал Грили в «Нью-Йорк трибюн», она посчитала бы, что жизнь удалась.

Разумеется, ее Горас всегда полагал, что жизнь у нее удалась, а потому, по мнению Джулии, был лучшей собакой на свете. Она решила, что выгуляет его, как только придет домой, а потом еще выше поднимется в глазах Гораса, положив несколько кусочков вчерашнего бифштекса поверх обычной собачьей еды. Это порадует их обоих, а Джулии сейчас требовались положительные эмоции – хоть по какому-то поводу, – потому что ее не отпускала тревога.

Такое случалось с ней не впервые. Она прожила в Милле все свои сорок три года, и в последние десять происходящее

---

[31] Хорас Грили (1811–1872) – известный американский издатель и политик.

[32] Остроумное выражение (*фр.*).

в родном городе нравилось ей все меньше и меньше. Джулию тревожило необъяснимо ухудшающееся состояние городской канализационной системы и мусороперерабатывающего завода, несмотря на все деньги, которые в них вбухивались. Она волновалась из-за неизбежного закрытия «Вершины в облаках», единственного городского горнолыжного курорта. Ее беспокоило, что Джимс Ренни крадет из городского бюджета, пожалуй, даже больше, чем она подозревала (а она подозревала, что из года в год, десятилетиями, он крал очень много). И разумеется, Джулия тревожилась из-за этого нового феномена, который не укладывался в ее привычные представления об окружающем мире. Всякий раз, когда она предпринимала попытку подойти к явлению в целом, ее разум концентрировался на какой-то его части, маленькой, но конкретной: к примеру, звонки по мобильнику проходили все реже и реже. А ей вообще не поступало ни одного, что особенно тревожило. Ладно бы не звонили родственники и знакомые, живущие в других городах, которых переполошили новостные выпуски. Вообще-то ее мобильнику полагалось разрываться от звонков коллег: из «Льюистон сан», «Портленд пресс геральд», возможно, даже из «Нью-Йорк таймс».

С такими же проблемами сталкивались и другие жители Честерс-Милла.

Ей следовало поехать на границу с Моттоном и все увидеть своими глазами. Раз уж дозвониться до Пита Фримена,

ее лучшего фотографа, не получалось, она могла воспользоваться «аварийным „Никоном“», как Джулия его называла. Она слышала о какой-то карантинной зоне, введенной со стороны Моттона и Таркерс-Миллса – возможно, и со стороны других городов, – но уж изнутри Джулия могла подойти к этому чуду вплотную. Часовые могли предупреждать, что близко подходить нельзя, но раз уж барьер непробиваемый, как она слышала, предупреждениями все бы и ограничилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.